

Сергей Цветков

РУССКОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

16+

Сергей Цветков

Русское тысячелетие

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Цветков С. Э.

Русское тысячелетие / С. Э. Цветков — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

12 веков русской истории под одной обложкой — на примере наиболее ярких событий и биографий, а также выразительных, но малоизвестных эпизодов нашего прошлого. Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Цветков С. Э., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Рождение русской идеи	5
Русская княжна на имперском троне, или Замужем за сатанистом	11
Первый атеист на Святой Руси	14
Берестяная библиотека древней Руси	15
Русь и Великая степь	17
Русь и Хазарский каганат	17
Русь и печенеги	30
Половцы: история не сложившегося этноса	36
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Цветков

Русское тысячелетие

Рождение русской идеи

В 1034 или, по другим данным, в 1036 году умер князь Мстислав – один из двух соправителей Русской земли. Наследников у него не было. Поэтому по смерти Мстислава «переевласть [воласть] его всю Ярослав и бысть самовластец Русьстей земли».

Наметившаяся трещина на государственном фасаде Руси снова была благополучно замазана. После длительной эпохи смуты и династических передрагов все ресурсы страны, наконец, оказались в руках единственного носителя верховной власти. Политический, военный и нравственный авторитет Ярослава к тому времени был чрезвычайно высок. Вступившего в пору зрелости «самовластца» знали как опытного полководца и дипломата, и не менее того – как ревнителя христианского благочестия и страстного книгочея: «И любил Ярослав церковные уставы, попов любил по велику, излиха же [сверх обычного, особенно] черноризцев, и книгам прилежал, читая их часто днём и по ночам» («Повесть временных лет», под 1037 годом).

Правда, в этом превосходном наборе личных и деловых качеств отсутствовала такая важная черта идеального образа средневекового государя, как телесное совершенство, но русские люди охотно закрывали глаза на небольшой физический недостаток своего князя: «Бяше же хромоног, но умом совершен и храбр на рати, и христиан любя, и чтяше сам книги» (Воскресенская летопись, под 1036 годом).

Современный историк вполне может присоединиться к этой оценке, добавив, что в лице Ярослава христианский мир, западный и восточный, обрёл лучшего государя своего времени – образованного, целеустремлённого, деятельного, открытого к восприятию новых идей и осознанно стремившегося к тому, чтобы его государственная деятельность опиралась на идейную основу.

Интеллектуализм был, пожалуй, самой замечательной чертой двора Ярослава. В то время ни одна европейская столица, включая Константинополь, не жила такой напряжённой умственной жизнью, как Киев второй половины 30-х – начала 50-х годов XI века. Будучи человеком высокой культуры и широкого кругозора, Ярослав окружил себя людьми просвещёнными. Это были, преимущественно, лица духовного звания – священники и монахи, находившиеся при князе на положении «княжих попов». По сообщению «Повести временных лет», Ярослав содержал их в своей любимой загородной резиденции на Берестове. В этих духовных наставниках и учёных собеседниках великого князя нетрудно узнать повзрослевших детей «нарочитой чади», некогда отданных по велению князя Владимира на «ученье книжное».

Особенным доверием Ярослава пользовался инок Иларион, «русин» по происхождению, в то время – пресвитер берестовской церкви Святых Апостолов, «муж благ, книжен и постник», по словам летописи. С его именем также связано зарождение Печерской обители, где он был первым насельником. Питая склонность к уединению, Иларион облюбывал на берегу Днепра, немного южнее Берестова, безлюдный холм, поросший густым лесом, «и ископа печерку малу, дву сажен, и приходя з Берестового отпеваше часы, и моляше Богу там втайне». Позже, когда Иларион возглавил Русскую Церковь, в его опустевшей «пещерке» поселился преподобный Антоний, вслед за которым на днепровскую «гору» пришла и первая братия Печерского монастыря, числом 12 человек.

Начитанный и образованный княжий любимец и сам прекрасно владел пером. Вероятно, при его участии на Берестове составилась целый кружок переводчиков с греческого. За

несколько лет была проделана огромная культурная работа: «И собра [Ярослав] писцы многы, и прекладаше от грек на словенское письмо, и списаша книги многы».

У греков искали то, чего не находили у болгар и моравов, чьи литературные богатства, пускай уже и переложенные на «словенское письмо», почти исчерпывались книгами, связанными с богослужебным обиходом (Священное Писание, творения святых отцов для чтения в храмах и т. д.). Переводили «от грек» больше книги исторические, трактовавшие всемирную историю, под которой понималась преимущественно история еврейская и византийская, с позиций церковно-религиозного мировоззрения. Но корпели над древними пергаменами и свитками отнюдь не из-за отвлечённого интереса к прошлому. В исторических штудиях Ярославова двора рождался ответ на главный вопрос, поставленный перед образованным слоем древнерусского общества всем ходом исторического развития Русской земли, – о сопряжении её национальной истории с мировым историческим процессом¹. Обращение в этой связи к историографическому наследию Византии было, конечно, не случайным, ибо стройная концепция всемирной истории (естественно, в христианском её понимании) была тогда разработана только в рамках византийской историко-философской традиции.

В начале византийской историософии лежал акт божественного творения и драматическое происшествие, предопределившее дальнейшее течение событий – грехопадение человека. С этого момента человеческая история становилась как бы двухплановой, или двустворчатой, разделяясь на Священную историю и историю мирскую. Каждая из них развивала свою главную тему. Священная история вершилась всецело по воле Бога и под знаком предвозвестия. Ветхий Завет возвещал Новый, перекликаясь с ним на различных смысловых уровнях по принципу аналогии, причём этот параллелизм был настолько всеобъемлющим, что для средневековых книжников воистину не существовало такого деяния ветхозаветных персонажей, которое бы не имело своего эха на евангельских страницах.

В развёртывании мирской истории допускалась некоторая толика человеческой свободы воли, хотя и тут, в конце концов, всё совершалось по божественному предначертанию. Исторический путь человечества был озарён сумрачным светом грядущей катастрофы. Мир неудержимо стремился к своему концу. Рано или поздно светопредставление должно было остановить бег времени и завершить историю. А до тех пор, пока не исполнились сроки, светоч истинной веры был помещён в государственную ограду богохранимой империи ромеев.

Краеугольным камнем византийской «имперской эсхатологии» было представление о переходе власти, светской и сакральной, – от народа к народу, от царства к царству. Основание для подобной интерпретации хода мирской истории находили в знаменитом пророчестве Даниила². Передача светской власти (*translatio imperii*) происходила в процессе последовательной смены великих держав: Вавилонской, Мидийско-Персидской, Македонской, Римской. Теперь их историческим преемником выступало непобедимое христианское царство – Визан-

¹ Потребность соотнесения частного со всеобщим была органично присуща христианскому религиозному сознанию, которое «было сориентировано на комплексное освоение действительности... Средневековый мыслитель частную конкретику переводил в глобальный масштаб обобщающих мировоззренческих характеристик. Так события современности осмысливались в контексте мировой истории, а оценки поступкам (в категориях абсолютного добра или зла) давались в соотнесении с вечностью» (Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. Спб., 2000. С. 6).

² В книге пророка Даниила рассказывается, что Навуходоносор, царь вавилонский, увидел однажды странный сон, который смутил его дух. Ему приснился огромный и страшный истукан, голова которого «была из чистого золота, грудь его и руки его – из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные». Вдруг с вершины горы «без содействия рук» оторвался камень и раздробил истукана в прах, а сам «сделался великою горою и наполнил всю землю». Тайный смысл этого видения Бог открыл Даниилу, который явился к недоумевавшему царю и объяснил, что его царство – «это золотая голова. После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и ещё третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвёртое царство будет крепко, как железо... А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделённое... частью крепкое, частью хрупкое... И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно, так как ты видел, что камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото» (Дан., 2:1, 27–45).

тия. Наследование сакральной власти шло по другой линии – от благочестивых царей израильских. Подобно им, византийские василевсы считались помазанниками Божиими, и в этом качестве они превосходили всех земных владык. В конце времён последний властелин православного царства должен был передать свою царственную власть непосредственно самому Христу, прервав течение земной истории.

Историософская доктрина греков ничего не говорила о причастности других народов к истории спасения: политическая пропаганда и страстное чувство национального превосходства почти заглушили в ней христианский универсализм. Но она содержала общие принципы христианской философии истории и готовые формулы для встраивания частной истории в глобальный исторический процесс. Вот этот методологический каркас и был бесценной находкой берестовских книжников. И потому их переводы сыграли поистине выдающуюся роль в истории древнерусской мысли. Это была настоящая школа самостоятельной умственной деятельности. Протоиерей Георгий Флоровский очень верно заметил, что «для перевода требуется большое творческое напряжение, великая изобретательность и находчивость, и не только на слова. Переводить, это значит бдительно и испытывать. Это совсем не только простое упражнение или формальная гимнастика мысли. Подлинный перевод всегда соозначает и становление самого переводчика, его вхождение в предмет... не только словесный процесс, но именно сложение мысли»³.

Не удивительно, что именно отсюда, из Берестова, в первые же годы «самовластного» княжения Ярослава раздалось самородное русское слово, прервавшее затяжное «русское молчание». После почти двухвекового периода безгласия и немоты русский дух, наконец, выразил себя в словесном и мысленном творчестве.

В конце 1037 или в начале 1038 года (единого мнения о дате у историков нет) Иларион преподнёс князю своё сочинение «Слово о законе и благодати». Непосредственным поводом к его написанию послужило завершение строительства «города Ярослава». Киев праздновал своё «обновление» во образе Божьего Града, и при дворе Ярослава это событие осмыслили самым ответственным образом, выработав оригинальное историософское воззрение на судьбы Русской земли.

«Слово о законе и благодати» насыщено библейским материалом и цитатами из Священного Писания. Но это совсем не богословский трактат. Илариона занимает, по преимуществу, философско-историческая проблематика, хотя и в религиозном её преломлении. Есть ли в историческом развитии человечества какая-то закономерность? Является ли вселенская история, по сути, историей только одного, «избранного» народа, через который вершится Божий замысел о мире, или же благодать Господня изливается на разные народы и страны? Кто такие русские люди: свободные и полноправные творцы христианской истории, или вся их историческая роль сводится лишь к тому, чтобы пассивно воспринимать миссионерскую проповедь со стороны более «старых» христианских народов? В каком отношении стоит христианское настоящее Русской земли к её языческому прошлому? В самой постановке этих вопросов сказывается ум, воспитанный в кирилло-мефодиевской традиции. Но никогда раньше в славянской, а, может быть, и во всей христианской письменности идея равенства народов не звучала с такой ясностью и такой силой.

О своём *credo* Иларион заявил в первых же строках «Слова»: «Благословен Господь Бог Израилев, Бог христианский, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, что не попустил до конца твари Своей идольским мраком одержимой быть и в бесовском служении погибнуть». Для того чтобы мысль Илариона раскрылась во всей своей полноте, необходимо иметь в виду её первоисточник. Это – первая глава Евангелия от Луки, где между прочим говорится: «Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ свой, и сотворил избавление ему» (Лк.,

³ Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 6.

1:68). Интереснее всего тут именно несовпадения. Иларион кардинально переиначивает евангельский текст, тщательно устраняя всякий намёк на узкоплеменные черты ветхозаветного божества⁴. «Бог Израилев» для него тождествен христианскому Богу, то есть новозаветной Троице и Ее богочеловеческой ипостаси – Иисусу Христу, который «приде» не к избранным, а ко всем «живущим на земле человекам».

Конечно, рассуждает дальше Иларион, Бог сперва указал путь закона одному «племени Авраамову», но затем «Сыном Своим вся языки (народы) спас». Да и сам закон, собственно, был дан через иудеев всем людям для того, чтобы «человеческое естество» обикло «в единого Бога веровати, от многобожества идольского уклоняся», чтобы все человечество, «яко сосуд скверный», омытый чистой водою закона, могло воспринять «млеко благодати и крещения». Ибо «закон есть предтеча и слуга благодати и истине, истина же и благодать – слуги будущему веку, жизни нетленной... Прежде закон, потом благодать, прежде тень, потом истина».

Пришествие истины и благодати в мир, уверен Иларион, открыло новую эру в истории человечества. Закон, пишет он, отошёл, как свет луны, померкший в лучах воссиявшего солнца. И кончилась ночная стужа от солнечной теплоты, согревшей землю. «И уже не теснится в законе человечество, но в благодати свободно ходит»⁵. Закон был несовершенен, в частности, потому, что «оправдание иудейско скупно было, зависти ради», не распространялось на другие народы, «но только в Иудее одной было»; христианская же вера «благо и щедро простирается во все края земные».

Эту мысль о всемирно-исторической роли христианства Иларион подкрепляет множеством цитат из ветхозаветных книг и Евангелия, всячески подчёркивая, что победа христианства над иудейством, благодати над законом не простая историческая случайность, но закономерность, вложенная Промыслом в течение вселенской истории. Сам Господь через пророков и Сына Своего осудил слепоту и гордыню иудейского народа, который, не приняв Спасителя, лишил себя исторического будущего. Такова расплата за национально-религиозное обособление. А потому подобает «благодати и истине над новыми народами воссиять», ибо «не вливают, по словам Господним, вина нового – учения благодатного – в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе: прорвутся мехи, и вино прольётся... Но новое учение – в новые мехи, новые народы».

Итак, по Илариону, историческое содержание эпохи благодати заключается в приобщении все новых и новых «языков» к христианскому вероучению. Христова благодать наполняет всю землю, покрывая её, «яко вода морская». Каждый народ призван стать в конце концов «народом Божиим»: «во всех языцех спасение Твое». Исключение составляют одни иудеи, в которых обладание законом, – этой тенью благодати и истины в эпоху языческой «лести», – породило губительное чувство национальной исключительности и замкнутости. Притязание на превосходство отсекло их от истины и сделало даже хуже язычников, закона не знавших, но зато и более открытых для восприятия Христовой веры (предрасположенность языческих народов к грядущему обновлению во Христе для Илариона символизируют волхвы, принёсшие дары младенцу Иисусу).

Таким образом, народы земли проходят в своём развитии через два состояния: «идольского мрака» и богопознания. Первое состояние – это рабство, блуждание во тьме, «непроявленность» исторического бытия, второе – свобода, полнота исторических сил, разумное и уверенное созидание будущего. Переход из одного состояния в другое знаменует вступление

⁴ Аналогичные редакторские правки библейских фрагментов встречаются в «Слове» и дальше. Например, обращение Господа к евреям из книги пророка Исая: «Послушайте Меня, народ мой, племя моё» (Ис., 51:4) – Иларион переделывает на: «Послушайте Мене, людие мои, глаголетъ Господь» и т. д. Это свидетельствует о последовательной позиции автора «Слова».

⁵ Попутно заметим, что пресловутый прыжок человечества «из царства необходимости в царство свободы», который основатели марксизма чаяли от коммунистического будущего, был для Илариона свершившимся фактом.

народа в пору исторической зрелости. С этого момента национальная история вливается в мировой исторический поток.

Распространение благодати, как оно рисуется в «Слове», – пространственно-временной процесс. Одни народы вовлекаются в него раньше, другие позже. Взор Илариона обращается к Русской земле, которая вслед за другими странами, в положенное ей время, познала истинного Бога: «Вера благодатная по всей земли простёрлась и до нашего языка (народа) русского дошла... И вот уже и мы со всеми христианами славим Святую Троицу...». Величие и значимость происшедшей на Руси перемены Иларион даёт почувствовать рядом сильных противопоставлений прошлого и настоящего: «Уже не идолослужителями зовёмся, но христианами... И уже не капище сатанинское сооружаем, но Христовы церкви зиждем. Уже не закалаем бесам друг друга, но Христос за нас закалаем бывает и дробим в жертву Богу и Отцу. И уже не жертвенную кровь вкушающе погибаем, но Христову пречистую кровь, вкушая, спасаемся...».

Знаменательно, однако, что в тоне Илариона преобладает восхищение дарами благодати. Заблуждения и ужасы эпохи «идолослужения» лишь оттеняют радость преображения. Так бабочка смотрит на покинутый ею кокон. Произошла метаморфоза – чудесная и вместе с тем неизбежная. Иларион снова подчёркивает, что принятие Русской землёй христианства было предусмотрено в божественном плане мировой истории: «Сбылось у нас реченое [пророками] о языцех». Из этого следует, что и дохристианская история Руси имеет непреходящее значение. Языческое прошлое – это не то, что должно быть осуждено, отвергнуто и забыто, а то, что подлежит спасительному исцелению. Крещение не разрывает, а скрепляет связь времён. Освещая лучами благодати настоящее и будущее, оно бросает провиденциальный свет и на пройденный путь, который теперь получает своё историческое оправдание.

Нерасторжимое единство двух эпох русской истории – языческой и христианской – в «Слове» олицетворяет князь Владимир. Воздавая хвалу крестителю Русской земли, Иларион славит вместе с ним свою страну, сумевшую за недолгий исторический срок встать вровень с великими державами мира: «Хвалит же хвалебным гласом римская страна Петра и Павла, от них уверовавшая в Иисуса Христа, Сына Божия, Асия и Эфес, и Патмос – Иоанна Богослова. Индия – Фому, Египет – Марка. Все страны, и города, и народы чтут и славят каждый своего учителя, научившего их православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами, великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые во времена своего владычества мужеством и храбростью прослыли в странах многих и ныне победами и силою поминаются и прославляются. Ибо не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырёх концах земли».

Перо Илариона прочерчивает историю Руси одной сплошной линией, языческая старина лучшими своими сторонами крепко вырастает в приближающийся век благодати⁶. Время Владимира – не перелом эпох, а их средостение. «Великий каган» представлен наследником своих предков-язычников, за которыми, оказывается, числятся не только мерзости идолослужения, но и немалые исторические заслуги. Не превозносясь, подобно иудеям, над остальными народами («четыре конца земли» не умалены перед Русской землёй, наоборот они достойные свидетели её торжества), предшественники Владимира своими ратными трудами доставили славу отечеству, отстояли честь родной земли. В могуществе Руси, в благородстве русского княжеского рода, в величии деяний предков Иларион видит как бы залог благодатного преображения Русской земли в будущем, её историческую способность стать «новыми мехами» для «нового вина».

⁶ Здесь Иларион словно предвосхищает исторический метод С. М. Соловьёва: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии...».

Христианский выбор Владимира, в свою очередь, открыл Русской земле дорогу к новым историческим достижениям. Благоверный посев «не иссушен зноем неверия, но с дождём Божия поспешения принёс обильные плоды». По тому, с какой нескрываемой гордостью Иларион говорит о своём времени, видно, что русские люди переживали тогда редкий и счастливый исторический момент, когда современность кажется венцом всего предыдущего развития. Наследство Владимира находится в надёжных руках: «Добрый и верный свидетель – сын твой Георгий (Ярослав Мудрый. – С. Ц.), которого Господь создал преемником твоему владычеству». Ярослав не просто преемник и хранитель благоверия («не нарушает твои уставы, но утверждает»), он – исторический завершитель дела Владимира, «не на словах, но (на деле) доводящий до конца, что тобою неокончено, как Соломон (дела) Давида».

Упоминанием библейских царей Иларион вводит в «Слово» центральную тему своего времени – тему Храма и Града, которая звучит апофеозом всего произведения. Обращаясь к Владимиру, Иларион славит его сына Ярослава-Георгия, который «создал Дом Божий, великий, святой Премудрости (Его) на святость и освящение града твоего и украсил его всякой красотой: золотом и серебром, и камнями дорогими, и сосудами священными – такую церковь дивную и славную среди всех соседних народов, что другой (такой) же не отыщется во всей полунощи земной, от востока до запада. И славный град твой Киев величием, как венцом, окружил, вручил людей твоих и град скорой на помощь христианам Всеславной Святой Богородице. Ей же и церковь на Великих вратах создал во имя первого Господнего праздника, святого Благовещения. И если посылает архангел приветствие Деве, (то) и граду сему будет. Как Ей: Радуйся, обрадованная. Господь с Тобою! – так и ему: Радуйся, благоверный град. Господь с тобою!»

Страницы «Слова», посвящённые истории и современности русского христианства, мощно утверждают идею независимости Русской Церкви, её право на самостоятельное бытие. Иларион умалчивает о какой бы то ни было миссионерском участии Византии в крещении Руси. Владимир только слышал «о благоверной земле Греческой, христолюбивой и крепкой верою», но обращение князя в христианство произошло по его собственному почину и по внушению свыше. О единстве восточно-христианского мира под властью Константинопольской патриархии Иларион словно бы и не знает. Русская Церковь предстает у него перед Богом без всяких посредников и совершенно не нуждается в них.

«Слово о законе и благодати», по собственному замечанию его автора, было адресовано не к «неведущим», но к «преизлиха насытившимся сладости книжной». Другими словами, Иларион удовлетворял интеллектуальные запросы немногих лиц – даже не всего княжьего двора, а только самого Ярослава и состоявшего при нём избранного кружка образованных книжников. Тем не менее, Иларионово «Слово» нельзя ограничить ни рамками «элитарной литературы», ни вообще «литературы». В известном смысле оно было явлением государственного порядка.

Историософские воззрения Илариона, по справедливости, можно считать первой в истории отечественной мысли «русской идеей», содержавшей в себе доктрину национальной независимости и исторического оптимизма. Обращаясь к прошлому, «Слово» имело в виду живую современность, провозглашало неотъемлемое право Руси и Русской Церкви на самостоятельное историческое бытие. И в этом голос Илариона был настолько созвучен общей тональности Ярославова княжения, что сегодня «Слово» кажется чуть ли не программой деятельности «самовластца», который, продолжая дело своего великого отца, положил жизнь на укрепление государственного, церковного и духовного суверенитета Русской земли.

Русская княжна на имперском троне, или Замужем за сатанистом

Княжна Евпраксия Всеволодовна – наверное, самая трагическая женская фигура древнерусской истории. Однако наших летописцев её судьба совершенно не заинтересовала.

Дочь от второго брака князя Всеволода Ярославича, с полоцкой княжной Анной, Евпраксия росла в Киеве, пока в 1083 году из Германии на Русь не явилось свадебное посольство от саксонского дома Штаденов. Отец Евпраксии, заинтересованный в родстве со знатным германским семейством, дал согласие. По тогдашнему обычаю, её рано выдали замуж: в 12 лет. Девочка была отправлена в Саксонию в жёны к немолодому Генриху Штаденскому вместе с «несметным богатством, нагруженным на верблюжий караван».

Прибывшие повозки с приданым передали жениху, Генриху Штадену, а саму Евпраксию отдали на воспитание и обучение в Кведлинбургский женский монастырь, где она должна была научиться говорить по-немецки, читать на латыни (который был официальным языком Европы того времени). Её греческое имя – Евпракис («добродетель») заменили католическим аналогом – Пракседис. За три года, проведённых в монастыре под надзором сестры императора, двадцатипятилетней Адельгейды, Евпраксия овладела не только языками, но и «книжными премудростями». В 15 лет она приняла католичество и получила при крещении новое имя Адельгейда – имя своей главной воспитательницы.

Вскоре состоялось и её обручение с Генрихом Штаденом, но брак оказался недолгим: менее, чем через год Генрих при невыясненных обстоятельствах умер (1087). Маркграфство перешло по наследству к брату умершего, Людигеру. А бездетная юная вдова, Евпраксия-Адельгейда, вновь вернулась в Кведлинбургский монастырь к аббатисе и воспитательнице.

Здесь на близком знакомстве с пятнадцатилетней русской вдовой настоял брат аббатисы – германский император Генрих IV, по странной случайности сам 27 декабря 1087 года потерявший жену Берту и ставший вдовцом.

Русской княжне он показался весьма привлекательным, особенно после четырёх лет однообразной, монотонно-скучной жизни в монастыре. Прельщённый юностью и воспитанностью Евпраксии, сильно отличавшейся умом и красотой от его придворных дам, как утверждал один из немецких хронистов, Генрих IV возложил надежды на установление через неё родства с могущественным киевским княжеским домом. Император хотел привлечь Русь в союзники в борьбе с римским папой, Урбаном II, и могущественной маркграфиней тосканской Матильдой.

В 1088 году Генрих IV сделал Евпраксии предложение стать германской королевой. Киевский князь послал дочери своё благословение. 14 августа 1089 года было официально объявлено о коронации. В Киев было послано извещение о браке и выражена надежда на взаимопонимание. Однако цель не была достигнута: Византия прервала взаимоотношения с Германией, а византийский император Иоанн II Продром, стремившийся удержать Русь в сфере своей политики, дал понять, что новый брак Евпраксии не поддерживает. Киев отказался вступать в союз с Генрихом IV.

Юная королева оказалась в непростом положении. Став в 19 лет соправительницей громадной Священной Римской империи, она не имела возможности не только решать что-либо самостоятельно, но даже узнать о родных, о сёстрах, оставшихся в Киеве. Да и новый муж, как выяснилось, имел «необузданный характер»: с ним не ужились ни мать Агнесса, ушедшая от сына, едва он стал совершеннолетним, в монастырь, ни выросшие сыновья от первого брака. Хронисты сообщают (возможно, преувеличивая), что Генрих IV принадлежал к секте сатанистов-николаитов, тайные мессы которой сопровождались развратными действиями.

О безнравственности германского императора многим было известно задолго до его брака с Евпраксией. Жестокие издевательства Генриха IV над первой женой и сестрой («которую он своими руками держал в то время, когда другой её насиловал») дважды обсуждались на княжеских съездах 1073 года в Корбее и в Герстунгене. Немецкие хронисты Бруно и Ламберт оставили описания кровосмесительных отношений Генриха IV с его сестрой Адельгейдой (той самой, что воспитывала Евпраксию).

Охлаждение между супругами наступило быстро. После того как в 1089 стало ясно, что планам Генриха IV по вовлечению Киева в продолжавшуюся борьбу с папским престолом не суждено сбыться, император начал вымещать свою злобу на жене. Их отношения стремительно принимали скандальные формы. Вот что сообщают под 1093 годом «Анналы пастыря св. Дисибода» (источник 40-х годов XII века, отразивший не дошедший в самостоятельном виде источник, описывающий историю разрыва между Генрихом и Евпраксией):

«Конрад, сын императора Генриха (от первого брака. – С. Ц.) восстал против своего отца по следующей причине. Король Генрих возненавидел королеву Адельхайду, свою жену, да так, что ненависть была ещё сильнее, чем страсть, с какой он её прежде любил. Он подверг её заключению и с его позволения многие совершали над ней насилия. Как говорят, он впал в такое безумие, что даже упомянутого своего сына убеждал войти к ней. Так как тот отказался осквернить ложе отца, король, уговаривая его, принялся утверждать, будто он не его сын, а одного чужака, швабского герцога, на которого названный Конрад был чрезвычайно похож лицом. Королева же, после множества неслыханных оскорблений, нанесённых ей без вины, каким-то образом по милости Божией освободившись бегством из заключения, в котором находилась, прибыла к могущественнейшей в то время госпоже по имени Матильда (герцогине Тосканской, одной из наиболее решительных сторонниц папы. – С. Ц.). Приняв королеву, она сопровождала её к досточтимому мужу Урбану, занимавшему [тогда] апостольский престол (папе Урбану II, 1088—1099. – С. Ц.). Припав к его ногам, обливаясь слезами, в сердечном сокрушении она жаловалась о всех бедах и несчастьях, которые перенесла. Господин же папа, узнав о бедствиях королевы, движимый милосердием и состраданием, собрал всеобщий собор, который снова (Генрих уже подвергался однажды отлучению при Григории VII. – С. Ц.) отлучил короля Генриха от церкви за недопустимые, безбожные и вовеки неслыханные дела, совершённые над собственной законной супругой. Королева же, как утверждают некоторые, вернулась в свою страну и, уйдя в монастырь, стала аббатисой».

Более детальные сведения о судьбе Евпраксии Всеволодовны в Италии обнаруживаем в современной «Хронике» Бернольда (ум. в 1100), монаха в швабских монастырях св. Власия в Шварцвальде, а затем в Шафхаузене, последовательного сторонника папы:

«Супруга императора, уже в течение долгого времени жертва множества беззаконий, много лет содержащаяся под стражей, дабы не скрылась, в конце концов бежала к итальянскому герцогу Вельфу (мужу Матильды Тосканской. – С. Ц.). Она поведала, что претерпела... столь великие и столь неслыханные злодейства, что не сомневалась – даже у недругов она найдёт сострадание... Эта надежда её не обманула, ибо герцог и его супруга Матильда приняли её милостиво и относились к ней с почтением».

В начале апреля в швабском городе Констанце по инициативе местного епископа собрался церковный собор.

«До Констанцкого собора дошла жалоба королевы Пракседы, которая давно скрылась от своего мужа у Вельфа, герцога Италии, и сетовала на столь многочисленные и столь неслыханные и грязные блудодеяния, перенесённые ею от столь многих, что даже враги её легко простили бы ей её бегство, и все собравшиеся на синод были подвигнуты состраданием к ней».

В марте следующего, 1095 года в городе Пьяченца (в Ломбардии на реке По) папа Урбан II собрал уже общий синод епископов Италии, Бургундии, Франции и юга Германии (на кото-

ром он впервые обратился к Европе с призывом к Первому крестовому ходу). На нём присутствовало 4 тысячи духовных лиц и около 30 тысяч мирян.

«На этом синоде королева Пракседа, уже давно разлучившаяся с Генрихом, выступила перед господином папой и священным синодом с жалобами против своего мужа, от которого подверглась неслыханным грязным блудодеяниям. Её жалобу господин папа и священный синод приняли весьма милостиво, ибо доподлинно узнали, что эти блудодеяния она не столько совершила, сколько претерпела поневоле. Поэтому она была милосердно освобождена от епитимьи, налагаемой за подобные непотребства, тем более что она нашла в себе смелость по собственной воле и публично исповедать свои грехи».

Снисходительность судей понятна: процесс вокруг Евпраксии Всеволодовны, по образному выражению автора «Жития Матильды», стал тем «колом», которым израильтянка Иаиль насмерть поразила спящего Сисару (Генриха IV).

Политический авторитет императора был сильно подорван. И хотя он сумел продержаться на престоле ещё почти 10 лет, конец его был предreshён. В 1105 году его второй сын Генрих V изменой заманил отца в крепость Бекельхайм и 31 декабря принудил его к отречению. После вынужденного отречения Генрих бежал в Льеж, где вскоре умер в возрасте 55 лет, всеми забытый.

Что же касается Евпраксии, то, получив полное отпущение своих невольных грехов, она уехала обратно на Русь, где постриглась в монахини.

Эхо всеевропейского скандала, спровоцированного выступлениями Евпраксии, в конце концов достигло и Руси. Поступок Евпраксии, решившейся вынести подробности семейной жизни на всеобщее обсуждение, вызвал, как ни странно, осуждение у русского духовенства. В русских былинах и легендах, где к имени Евпраксии (простонародное Апракса) прочно прикреплёлся эпитет «волочайка» (потаскуха). Историческая справедливость не вяжется с «очернением» Евпраксии. Она требует охарактеризовать её как независимую личность, отстаивавшую собственную линию поведения.

Евпраксия Всеволодовна скончалась 9 или 10 июля 1109 года. Она была погребена в киевском Печерском монастыре, причём над местом её захоронения была поставлена «божонка» – надо полагать, часовня.

Первый атеист на Святой Руси

Галицкий князь Владимирко Володаревич был известен на Руси своей беспринципностью и «многоглаголивостью» – умением прикрыть красивыми словами самую постыдную политическую комбинацию или интригу.

В 1152 году, во время очередной русской междоусобицы, Владимирко выступил на стороне ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого против его противника – киевского князя Изяслава Мстиславича. Последний, дабы обезопасить свой тыл, заключил договор с венгерским королём Гезой II. Венгерские войска вторглись в Галицию, победили Владимирку и принудили его к миру. Геза обязал галицкого князя отдать Изяславу некоторые пограничные города и не «отлучатися» от него «доколе же еси жив», но всегда «на всех местах с ним быти», то есть сопровождать Мстиславичу во всех его походах (конечно, прежде всего имелось в виду: против Юрия). Сам Изяслав ни в грош не ставил обещания Владимирку и согласился на примирение с ним только после длительных препирательств с Гезой и его воеводами. Король особенно уповал на то, что Владимирку предстояло клясться на кресте святого Стефана, крестителя Венгрии, – эта бесценная реликвия, с которой Геза никогда не разлучался, должна была служить, по его мнению, залогом верности галицкого князя своему слову.

Владимирко поцеловал крест на предложенных ему условиях. Но как только венгерские войска удалились, он тут же напал на владения Изяслава и забрал себе ряд волостей.

Однако не клятвенарушение само по себе примечательно в свете заголовка этого поста. Мало ли князей поступало таким же образом?! Слушайте дальше.

Зимой 1152/1153 года Изяслав послал в Галич своего боярина Петра Бориславича, который был одним из свидетелей клятвы Владимирку на кресте святого Стефана. Мстиславич предлагал Владимирку добром отдать удерживаемые им города, обещая за это «не поминать» прошлого. В противном же случае он угрожал войной.

Ответ галицкого князя не оставлял ни малейшей надежды на примирение: «Скажи брату моему, Изяславу, что он улучил время воевать со мной и короля на меня возвёл. Доколе буду жив, то либо свою голову сложу, либо отомщу за себя!».

Пётр напомнил ему: «Княже, крест к брату своему к Изяславу и к королю целовал, чтобы вместе с ними быти, а теперь преступаешь крестное целование!»

И тут «многоглаголивый» Владимирко не удержался от кощунства. «Что мне сей крестец малый?!», – с усмешкой сказал он, обнаружив своё неверие. (Некогда христиане приводили язычникам тот же довод: «Что ваши боги – дерево», т. е. бессильные истуканы.)

Возмущённый боярин возразил: «Княже, пускай крест и мал, но сила его велика есть на небе и на земле... А нарушишь крестное целование, то не будешь жив!».

Владимирко вспылал и выпроводил Изяславова посла без чести, да ещё и посмеялся над ним вослед.

Вечером того же дня случилась назидательная история. Отстояв службу в церкви, князь возвращался в свои палаты, как вдруг на том самом месте, где он насмеялся над Петром, ноги его подкосились. «Как будто некто меня ударил за плечом», – только и охнул Владимирко. Это был острый сердечный приступ, после которого князь прожил всего несколько часов и умер ещё до наступления ночи.

P. S.

Владимирку ещё приписывают слова; «В наше время чудес не бывает». Я встречал упоминание о них в литературе, но не припомню, есть ли они в летописях.

Берестяная библиотека древней Руси

Археология XX века привела к открытию уникального исторического источника – берестяных грамот.

Правда, следует оговориться, что первую коллекцию берестяных грамот собрал ещё в конце XIX века новгородский коллекционер Василий Степанович Передольский (1833—1907). Именно он, проведя самостоятельные раскопки, выяснил, что в Новгороде есть прекрасно сохранившийся культурный слой. Найденные или выкупленные у крестьян берестяные грамоты Передольский выставил в первом в городе частном музее, построенном на собственные деньги. Берестяные грамоты, по его словам, были «письменами предков наших». Однако разобрать что-либо на старых обрывках бересты было невозможно, поэтому историки говорили о мистификации или считали «письмена предков» каракулями безграмотных крестьян. Словом, разыскания «русского Шлимана» относили к разряду чудачеств.

В 1920-х годах музей Передольского был национализирован, а потом закрыт. Директор государственного Новгородского музея Николай Григорьевич Порфиридов выдал заключение о том, что «большинство вещей не представляло особой музейной ценности». В результате первая коллекция берестяных грамот была безвозвратно утеряна. Чисто русская история.

Сенсация пришла с полувековым опозданием. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло... При восстановлении города в 1950-х годах проводились масштабные археологические раскопки, открывшие в толще многометрового культурного слоя средневековые улицы и площади, терема знати и дома простых горожан. Первая берестяная грамота (конец XIV в.) в Новгороде была обнаружена 26 июля 1951 года на Неревском раскопе: она содержала перечень феодальных повинностей в пользу некоего Фомы.

Академик Валентин Янин в книге «Берестяная почта столетий» описывал обстоятельства находки так: «Случилось это 26 июля 1951 года, когда молодая работница Нина Фёдоровна Акулова нашла во время раскопок на древней Холопёй улице Новгорода, прямо на настиле её мостовой XIV века, плотный и грязный свиток бересты, на поверхности которого сквозь грязь просвечивали чёткие буквы. Если бы не эти буквы, можно было бы думать, что обнаружен обрывок ещё одного рыболовного поплавка, каких в новгородской коллекции к тому времени насчитывалось уже несколько десятков. Акулова передала свою находку начальнику раскопа Гайде Андреевне Авдусиной, а та окликнула Артемия Владимировича Арциховского, на долю которого достался главный драматический эффект. Оклик застал его стоящим на расчищаемой древней вымостке, которая вела с мостовой Холопёй улицы во двор усадьбы. И стоя на этой вымостке, как на пьедестале, с поднятым пальцем, он в течение минуты на виду у всего раскопа не мог, задохнувшись, произнести ни одного слова, издавая лишь нечленораздельные звуки, потом хриплым от волнения голосом выкрикнул: «Я этой находки ждал двадцать лет!»

В честь этой находки 26 июля в Новгороде отмечается ежегодный праздник – «День берестяной грамоты».

Этот же археологический сезон принёс ещё 9 документов на бересте. А сегодня их насчитывается уже больше тысячи. Самая древняя берестяная грамота относится к X веку (Троицкий раскоп), самая «молодая» – к середине XV столетия.

Буквы на грамотах процарапывали заострённым писалом.

Писала находили в археологических раскопах регулярно, но было непонятно, зачем их обратная сторона сделана в виде лопатки. Ответ был вскоре найден: археологи стали находить в раскопах хорошо сохранившиеся доски с углублением, залитым воском – церы, служившие также для обучения грамоте.

Воск разравнивали лопаткой и писали по нему буквы. Самая древняя русская книга – Псалтирь XI века (ок. 1010 г., более чем на полвека древнее Остромирова Евангелия), найден-

ная в июле 2000 года, была именно такой. Книга из трёх табличек 20х16 см, залитых воском, несла на себе тексты трёх Псалмов Давида.

Берестяные грамоты уникальны тем, что, в отличие от летописей и официальных документов, дали нам возможность «услышать» голоса простых новгородцев. Основная масса грамот – это деловая переписка. Но среди грамот есть и любовные послания, и угроза вызвать на божий суд – испытание водой...

Широкую известность получили обнаруженные в 1956 году учебные записи и рисунки семилетнего мальчика Онфима. Процарапав буквы азбуки, он напоследок изобразил себя в виде вооружённого воина, верхом на коне сокрушающего врагов. С тех пор мечты мальчишек не сильно изменились.

Подлинной сенсацией стала берестяная грамота № 9. Это – первое на Руси женское письмо: «Что мне дал отец и родичи дали в придачу, то за ним (имеется в виду – за бывшим мужем. – С. Ц.). А теперь, женись на новой жене, он мне не даёт ничего. Ударив по рукам в знак новой помолвки, он меня прогнал, а другую взял в жены».

Вот уж, действительно, долюшка русская, долюшка женская...

А вот любовное письмо, написанное в начале XII века (№ 752): «Я посылая к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылая к тебе? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под людских глаз и примчался... хочешь ли, чтобы я тебя оставила? Даже если я тебя по своему неразумению задела, если ты начнёшь надо мною насмехаться, то пусть судит тебя Бог и я».

Интересно, что письмо это было разрезано ножом, обрывки завязаны в узел и выброшены в кучу навоза. У адресата, видно, завелась уже другая зазнобушка...

Есть среди берестяных грамот и первое на Руси предложение руки и сердца (конец XIII в.): «От Микиты к Анне. Пойди за мене. Я тебя хочу, а ты меня. А на то послух (свидетель) Игнат...» (№ 377). Вот так буднично, зато без обиняков.

Ещё один сюрприз преподнёс 2005 год, когда было найдено несколько посланий XII—XIII веков с нецензурной лексикой – е... (№ 35, XII в.), б... (№ 531, начало XIII в.), п... (№ 955, XII в.) и т. д. Так был окончательно похоронен устоявшийся миф о том, что своеобразием нашего «русского устного» мы якобы обязаны монголо-татарам.

Берестяные грамоты открыли нам поразительный факт почти поголовной грамотности городского населения древней Руси. Причём, русские люди в те времена писали практически без ошибок – по оценкам Зализняка, 90 % грамот написаны грамотно (простите за тавтологию).

Бродя по Новгородскому музею, я натолкнулся на грамоту «Я послал тебе ведёрко осетрины», которая может служить хорошей альтернативой заглавию известной книги Янина «Я послал тебе бересту» – ей-Богу, звучит заманчивее...

По оценкам археологов, Новгородская земля хранит ещё не менее 20—30 тысяч берестяных грамот. Но поскольку их обнаруживают в среднем по 18 в год, потребуются больше тысячи лет, чтобы извлечь на свет божий всю эту бесценную библиотеку.

Полный свод берестяных грамот выложен в 2006 г. на сайте «Древнерусские берестяные грамоты» <http://gramoty.ru/birchbark/>.

Русь и Великая степь

Русь и Хазарский каганат

Этническая принадлежность этого народа, как и его самоназвание, остаются загадкой. По одной версии, этноним «хазары» происходит от тюркской основы *kaz*, обозначающей кочевание; по другой – от персидского слова «хазар» – тысяча. Современники относили хазар к племенам «бреющим голову и носящим косы». Бритоголовыми обитателями южнорусских степей были болгарские и угорские племена. «Именник болгарских ханов» называет этих владык «князьями с остриженными головами». Булгары оставляли на голове пучок волос, который иногда заплетали в косу, но не в косы. Несколько иначе носили волосы угорские племена: мужчины выстригали их спереди, а сзади заплетали в несколько кос. Какую из этих причёсок предпочитали хазары, остаётся неясным. Правда, арабские писатели X в. аль-Истахри и вслед за ним Ибн Хаукаль определенно заявляют, что «язык булгар подобен языку хазар». Значит, тюрки? Однако другие авторы роднят хазар с грузинами и армянами, а третьи делят их на два разряда: смуглых («красных»), черноволосых – и «белых, красивых, совершенных по внешнему виду». Сами хазары считали себя по происхождению родственниками угров, аваров, гузов, булгар (тюрков), савиров и барсельтов – всё это племена различной этнической принадлежности, пришедшие на Северный Кавказ и в Европу вместе с гуннами.

Причину этой неразберихи надо искать в истории хазар. Собственно хазары, скорее всего, были тюрками. Однако среди них могли находиться союзные угро-финские племена и европеоиды северокавказского типа. Последние, будучи преимущественно оседлыми скотоводами, с большим трудолюбием предавались и земледельческим занятиям, особенно разведению дагестанских сортов винограда. В те времена любая более или менее крупная орда кочевников состояла из нескольких подвластных или союзных племён и орд; но своё название она получала по имени главенствующей орды или рода.

В источниках хазары известны с III в. по нападениям на Армению, Грузию и Албанию.

В 560-х гг. хазары попали под власть Тюркского каганата, а после его распада в начале VII в. вошли в состав Западно-Тюркского каганата. Они приняли участие в войнах тюрков с Византией и Сасанидским Ираном и в 629 г. подвергли страшному разгрому Тбилиси. Но в середине VII в. Западно-Тюркский каганат, охваченный междоусобицей, в свою очередь, развалился под ударами китайской империи Тан. Хазары обрели самостоятельность. Однако они приютили у себя тюркского кагана из династии Ашина («Волков»), оставив за ним функции верховного правителя. Политический и религиозный авторитет тюркских каганов был настолько велик, что иметь представителя их династии у себя на престоле считалось среди хазар за необыкновенную удачу, поскольку ни один хазарский князёк не мог претендовать на то, чтобы олицетворять своей персоной благословение Неба. Так возник независимый Хазарский каганат с правящей тюркской династией во главе, опиравшейся на многочисленную тюркскую дружину.

Вместе с династией Ашина хазары унаследовали политические традиции Тюркского каганата с его претензиями господства над всем кочевым миром.

Главным противником хазар в Северном Причерноморье была Великая Булгария хана Кубрата. Она рухнула от первого же удара. Преследуя булгар, хазары устремились на запад. В письме хазарского царя Иосифа (X в.) говорится, что хазары преследовали булгар до самого Дуная.

К концу VII в. власть хазарского кагана распространилась на всё Северное Причерноморье, включая большую часть Крыма. «Хазары, великий народ... овладели всей землёй вплоть до Понтийского моря», – пишет византиец Феофан. Империи удалось отстоять один Херсо-

нес, который, впрочем, на время потерял всякое экономическое значение. Папа Мартин I (ум. в 656 г.), сосланный в Херсонес, в письмах жаловался на недостаток и дороговизну продуктов в этом городе, некогда снабжавшем хлебом Византию. Теперь, по его словам, «в этих краях... голод и нужда такие, что хлеб здесь известен разве по названию, а его и видом не видать». К VIII в. хазары подчинили также волжских булгар и многие народы Северного Кавказа. За каких-нибудь полсотни лет Хазарский каганат превратился в крупнейшую державу Восточной Европы.

В основу государственного устройства Хазарии было положено федеративное начало – в том смысле, что входившие в неё племена и народы сохраняли в неприкосновенности свою внутреннюю организацию и даже часть внешнеполитической самостоятельности. Государственное единство обеспечивалось посредством династических союзов. В гареме кагана было 25 жён – по числу подвластных хазарам народов.

Верховную власть олицетворяли две фигуры – тюркский каган и хазарский бек (царь). Первый был окружён священным ореолом и пользовался величайшим почётом, однако не обладал политической властью – он был сакральной фигурой. Причисление к небожителям обрекало его на постоянное затворничество во дворце, ибо считалось, что сакральная сила кагана может причинить несчастье простым смертным. Жизнь его протекала в обществе 25 жён и 60 наложниц, состоящих под присмотром некоторого числа евнухов. Посетителей каган принимал, восседая на золотом троне под балдахином. Сам бек падал перед ним ниц и приближался к трону не иначе как босой, предварительно очистив себя ароматическими курениями. Кроме него во дворец допускали ещё привратника и двух сановников, равных, по словам одного арабского писателя, достоинством беку. Для народа каган оставался невидимым, как и полагалось божеству. Раз в четыре месяца он выезжал из дворца в сопровождении всего войска, которое двигалось сзади на значительном расстоянии, – и народ на его пути падал ниц, дабы не быть ослеплённым величием кагана.

Однако с этим сверхчеловеческим существом и поступали бесчеловечно. Арабский писатель Масуди рассказывает, что, если хазар постигала засуха, военное поражение или другое бедствие, чернь и знать спешили к беку, крича: «Мы приписываем своё несчастье этому кагану, его существование приносит нам вред. Убей его или отдай его нам – мы его убьём». Бек поступал по своему усмотрению – иногда выполнял народное требование, иногда принимал кагана под своё покровительство. Даже обычное человеческое долголетие не было уделом хазарского земного бога. Согласно арабскому путешественнику Ибн Фадлану, побывавшему в Хазарии в начале X в., хазары опасались истощения его божественной силы, поэтому каган не мог царствовать больше 40 лет – по истечении этого срока его убивали. Описание погребения кагана во многом напоминает похороны Аттилы и Алариха – его хоронили под водой вместе с убитыми слугами и рабами. По словам аль-Истахри, многие соседние народы не решались воевать с хазарами из-за великого почтения к кагану. Случалось, что одно его появление на поле боя вызывало паническое бегство врагов.

Реальная верховная власть находилась в руках бека (именно его в источниках именуют царём). Он объявлял войну и заключал мир, предводительствовал войсками, повелевал зависимыми князьями, собирал дани и пошлины, судил и наказывал, словом, был полновластным владелькой в государстве. Полное повиновение ему было делом обычая и чести. Вельможа, навлёкший на себя его недовольство, обязан был добровольно покончить с собой, если, конечно, в намерения бека не входила публичная казнь.

Средоточием Хазарского каганата были прикаспийские земли. При устье Волги находилась хазарская столица и резиденция кагана – Итиль.

На юге славился своими виноградниками и садами Семендер (чаще всего Семендер отождествляют с более поздним городом Тарки, на севере приморского Дагестана. Согласно другой точки зрения, он находился в низовьях Терека у современного Кизляра). Здесь же, по свиде-

тельству Ибн Хаукаля, в плетёных из хвороста хижинах, обмазанных глиной, жила основная масса хазарского населения.

Религиозная история хазар выглядит весьма необычной. Сначала хазары пребывали в язычестве (исповедуя религию верховного бога тюрков – Тенгри, то есть Неба), потом ненадолго приняли ислам, отказались от него и вернулись к язычеству и, наконец, хазарская верхушка и какая-то часть простого народа перешли в иудаизм (об этом ещё скажем подробнее). Кроме того, на хазарской земле звучала христианская проповедь. Правда, апостолу славян Константину (Кириллу) Философу, побывавшему в Хазарии около 862 г. с христианской миссией, удалось крестить всего две сотни человек. Но в хазарских городах существовали целые колонии купцов-христиан, и крещёное население Хазарии, судя по всему, не уступало в численности иудеям и мусульманам. По сообщению Масуди, в Итиле власти назначили семь судей для разбора дел: двое судили хазар-иудеев, двое – магометан, двое – христиан и один – язычников (русов и др.).

Вообще арабские писатели очень хвалят благоустройство и порядок в стране, справедливость и веротерпимость хазарских правителей.

Все восточнославянские племена лесостепного юга в течение VII—VIII вв. оказались под властью хазарского кагана. По летописным сведениям, дань хазарам платили поляне, радимичи, вятичи и северяне.

Судя по всему, подчинение было добровольным, а дань необременительной. Вятичи, например, настолько свыклись с властью каганата, что князю Святославу во второй половине X века удалось заставить их сменить хазарское подданство на киевское только при помощи военной силы. Хазары отнюдь не были жестокими степными хищниками, они не тревожили военными набегами окрестных оседлых земледельцев, а наоборот, позволяли им колонизовать пустующие земли. Характерно, что в большинстве поселений волынецкой культуры этого времени (на левобережье Днепра) отсутствуют укрепления – в них не было необходимости. Хазарский каганат на добрых двести лет перекрыл заволжским кочевым ордам дорогу на запад.

Обретя защиту и покровительство кагана, славяне приступили к массовому заселению Подонья и собственно хазарских областей. Притоки Дона и Донца пестрят славянскими названиями – Сальница, Красная, Ольховата, Лугань, Красивая Меча, Тихая Сосна, Медведица и т. д.: все они упоминаются источниками до XV в., то есть гораздо раньше вторичной славянской колонизации этих земель⁷. В Итиле славян знали очень хорошо, поскольку, по словам Масуди, из них состояло войско хазарского бека (вероятно, личная гвардия) и его дворцовая прислуга. Согласно Константину Багрянородному, хазары употребляли в своём языке славянское слово «закон».

Славяне, колонизовавшие Подонье, были видными участниками, а также одними из главных жертв арабо-хазарских войн.

В первые десятилетия VIII в. арабы, преодолев внутреннюю смуту, возобновили великий джихад – священную войну против неверных. Их лёгкая конница устремилась по всем направлениям – в Индию, Испанию, Африку, Переднюю Азию и на Кавказ. Почти всюду арабам сопутствовал громкий и быстрый успех. Ничего подобного мир не знал со времён Александра Македонского, который не случайно сделался любимым персонажем арабской литературы.

И только на северном фронте война приобрела затяжной характер. В 717—718 гг. арабы осадили Константинополь, но оказались бессильны против пламени и льда: «греческий огонь» и чрезвычайно суровая зима спасли город. Хазары приняли сторону империи, которая расплатилась с ними тем, что император Лев Исавр в 732 г. женил своего сына Константина на дочери (или сестре) кагана. Новобрачных нельзя было назвать идеальной парой: прозвище Констан-

⁷ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. 4-е изд., доп. СПб., 2000. С. 84.

тина было Копроним (Смердящий), а прекрасная степная царевна носила имя Чичак (Цветок). Этим благодеянием Византия и ограничила свою помощь хазарам.

Хазарии пришлось вести борьбу собственными силами. В распоряжении халифата были неисчерпаемые людские и материальные ресурсы Ирана, Закавказья и Согдианы, и тем не менее хазары некоторое время с успехом отражали натиск арабов.

Славяне сражались в войсках обоих противников. В составе гвардии хазарского бека они врывались в Армению и северную часть Азербайджана; на стороне арабов бились славянские перебежчики из византийской армии, поселившиеся в Сирии (об этом прямо свидетельствуют арабские и византийские авторы). Последние упомянуты как участники кровопролитной битвы в долине Ардебил в Азербайджане. Полководец Джаррах, щедрый, превосходный человек, по отзывам арабских писателей, неосмотрительно вступил в бой с превосходящими силами хазар. Арабы продержались два дня; лучшие их воины погибли, трусы дезертировали. Третий рассвет вместе с Джаррахом в арабском лагере встретили только раненые и павшие духом. Хазары без труда обратили их в бегство. Но тут один из спутников Джарраха воскликнул: «В рай, мусульмане, а не в ад! Идите по пути Бога, а не дьявола!» Этот возглас напомнил арабам, что павшим в бою уготовано райское блаженство; они воспрянули духом и обратились лицом к врагу. В страшной резне погибли почти все, в том числе и Джаррах. Из 25-тысячного арабского войска спаслось немногим больше сотни человек – и среди них один, который в источниках назван «сакалиба», то есть «славянин»; именно он принёс халифу Хишаму известие о гибели его полководца. Это был последний боец из славянского отряда в войске Джарраха.

В 737 г. арабские войска на Кавказе возглавил брат халифа Марван ибн Мухаммед. Он двинул против хазар огромную армию из арабов и дружин союзных кавказских князей – арабские писатели, вероятно сильно преувеличивая, оценивают его силы в 120-150 тысяч человек.

Семендер пал; каган с 40-тысячной армией бежал на север. Преследуя его, Марван двинулся дальше, в земли «сакалиба» («славян») и других «неверных». Согласно арабскому историку аль-Куфи (ум. в 926 г.), войска Марвана дошли до «Славянской реки». По всей видимости, это был Дон, который Масуди, следуя античной традиции, называет Танаисом; по его берегам, говорит он, «обитает многочисленный народ славянский и другие народы, углублённые в северных краях». Надо полагать, славяне встретили арабов неприветливо, поскольку Марвану пришлось прибегнуть к тактике «выжженной земли». Чтобы подавить сопротивление, он учинил настоящий погром славянских поселений: разрушил 20 000 домов и увёл в рабство 20 000 семейств «сакалиба» (не исключено, что в данном случае в число «сакалиба» включены и неславянские племена Подонья или Поволжья).

Хазарское войско лишилось последнего резерва. Каган был вынужден признать своё поражение и заключить мир на условиях принятия ислама. Пленных «сакалиба» Марван увёл на поселение в Кахетию. Но очень скоро славяне восстали, убили поставленного над ними эмира и бежали на родину. Увидеть вновь донскую землю им не довелось. Войско Марвана настигло беглецов; в жарком бою почти все они были перебиты. Этим трагическим событием закончился «быстрый рейд» Марвана, как называли поход 737 г. арабские писатели.

Победа далась арабам нелегко, их силы были обескровлены, и в дальнейшем походы такого масштаба больше не повторялись.

Кавказ надолго стал северной границей исламского мира на европейском востоке, подобно Пиренеям на западе. Немалая заслуга в этом принадлежала хазарам, которые вместе со славянами приняли на себя основной удар и погасили наступательный пыл арабов. Не будь этого, как знать, на чью сторону склонился бы князь Владимир в знаменитом диспуте о вере. Но благодаря тому, что в VIII в. арабская экспансия была остановлена на самом пороге Восточной Европы, древняя Русь, особенно её южная окраина, смогла наладить прочные, нерушимые связи с христианской цивилизацией.

Освобождение славян Среднего Поднепровья от хазарской дани, по всей видимости, было тесно связано с событиями, происшедшими в конце VIII – начале IX в. в Хазарии.

В это время перед правящей верхушкой Хазарского каганата с особой остротой встал вопрос о государственной религии. Каждый из двух могущественных соседей Хазарии пытался навязать ей свою веру: Византия действовала через крымские епископии, халифат посылал на Северный Кавказ свои армии. Стремясь обеспечить себе культурную, а вместе с тем и политическую независимость, хазары выбрали третью религию – иудаизм.

Евреи издавна составляли заметную прослойку населения в южных областях Хазарского каганата. В Крыму и на Таманском полуострове еврейские памятники известны с I в. н. э. Со второй трети VI в. на Кавказе появились еврейские беженцы из Сасанидского Ирана – участники подавленного восстания маздакидов. А преследование евреев, начатое в Византии Ираклием ещё в 20-х гг. VII в. и затем возобновлённое Львом II Исавром (717–741 гг.), сделало еврейскую общину в Хазарии ещё более многочисленной.

В Крыму, на Кавказе и в Поволжье евреи занялись тем же, чем занимались всюду, – торговлей и финансовыми спекуляциями. Их вклад в экономический рост Хазарии был весьма велик. Кроме того, раввины и отдельные представители еврейского купечества, как люди грамотные и бывалые, часто привлекались ко двору кагана для исполнения различных государственных, в том числе и международных, поручений. Но всё же их влияние на дела в каганате никогда не было решающим, а националистический оттенок религии «избранного народа» исключал активный прозелитизм: для последовательных талмудистов исповедующие иудейство иноплеменники все равно оставались «проказой Израиля». Укоренение иудаизма со статусом государственной религии в стране с преобладающим нееврейским населением было уникальным явлением в мировой истории, которое стало возможным лишь благодаря совершенно исключительному стечению обстоятельств, внешних и внутренних.

К обстоятельствам внешним относилось настойчивое желание византийского императора и багдадского халифа видеть хазар в числе своих единоверцев. К обстоятельствам внутренним – кризис политической системы каганата. «Быстрый рейд» Марвана, закончившийся военным разгромом Хазарии и принятием каганом мусульманства, вызвал рост патриотических настроений среди хазарской знати. Поборники независимости сплотились вокруг бека. В поисках религиозно-идеологического символа возрождения Хазарии они остановились на звезде Давида. Иудаизм стал для них религией, которая обеспечивала хазарам вхождение в круг средневековых цивилизаций и вместе с тем самостоятельное положение между борющимися сторонами – Византией и халифатом. Согласно традиции, основатель иудейской династии хазарских беков носил имя Обадия.

Хазары в большинстве своём обратились по примеру знати в иудаизм. Но кроме хазар, в каганате проживало ещё 25 народов, многие из которых исповедовали ислам; в городах значительным влиянием пользовались христианские общины. Религиозная реформа Обадии вызвала среди них открытое недовольство. В начале IX в. в Хазарии вспыхнула гражданская война. Противники иудаизма, которых, возможно, поддерживал каган, призвали на помощь мадьяр; бек противопоставил им печенежские сабли. Доселе несокрушимая хазарская плотина, воздвигнутая между Уралом и Каспием, дала трещину, и в неё хлынули заволжские кочевые орды.

Хазарская смута длилась почти два десятка лет. Византийский император Константин Багрянородный с лаконичностью государственного человека записал её последствия: «первая власть» (правительство) одержала победу; побеждённые бежали к мадьярам; все, кто не убежал, перебиты. Мятеж был подавлен дорогой ценой. Значительная часть собственно хазарского населения была истреблена, и власть бека, фактически полностью отстранившего кагана от дел, могла теперь опереться только на наёмников – печенегов и гузов.

Западные окраины каганата в период междоусобицы были брошены на произвол судьбы. Византия, например, почти без усилий вернула себе Крым. Вероятно, днепровские славяне также воспользовались случаем, чтобы заявить о своей независимости от кагана. Случилось это, по всей видимости, в первой четверти IX в.

У Хазарии не было сил привести своих бывших данников к покорности. Напротив, в Итиле принимались срочные меры для охраны своей территории, дабы удержать западную границу каганата хотя бы на линии Дона. С этой целью на донском левобережье, ближе к низовью реки, во второй половине 830-х гг. была сооружена крепость Саркел.

Какое важное значение имела эта твердыня в глазах хазарского правительства, видно по тому, что возглавить её строительство были приглашены лучшие византийские инженеры во главе с братом жены императора Петроном Каматиром. Но объединённые хазаро-византийские усилия уже не могли отдалить неумолимое превращение Дона в «Русскую реку», а Понта Эвксинского – в «Русское море» (как называются эти водоёмы в арабских источниках).

Переходим к рассмотрению отношений Хазарии с Древнерусским государством.

Хазария занимала важное место в системе международной торговли.

Торговля сделалась необыкновенно привлекательным занятием со второй половины VIII в., когда в Европу хлынул звонкий поток аббасидского серебра (ежегодный оборот Балтийско-Волжского пути исследователи оценивают чрезвычайно высоко – в миллион и более дирхемов). Чтобы понять будоражащее воздействие этого события на умы балтийских мореходов, следует помнить, что раннесредневековая Европа была, по существу, безденежным обществом, даже Меровинги и Каролинги чеканили собственную монету больше из соображений престижа, нежели ради экономических нужд.

Русы (под которыми следует понимать ветвь поморских славян, укрепившуюся в конце IX века на территории современного Киева) были активными участниками этой торговли.

Не случайно арабы знали только одних европейских купцов, плававших по Дону и Волге, Черному и Каспийскому морям, а также посещавших Багдадский халифат, – русов. Эти выходцы из «отдалённейших пределов страны славян» (то есть из славянского Поморья) везли на восточные рынки рабов и пушнину. Русы, говорит один арабский автор, «производят набеги на славян, причём садятся на корабли, отправляются к славянам, захватывают их в плен, увозят их к хазарам и (волжским) болгарам и продают...».

Этническая принадлежность русов была засвидетельствована арабскими писателями со всей определённой: «Если говорить о купцах ар-рус, то это одна из разновидностей славян» (Ибн Хордадбех, вторая половина IX в.).

Кроме того, русы охотно нанимались на службу к хазарскому кагану и были там на хорошем счету.

Вообще, в исторической литературе отношения Руси и Хазарии довольно часто бывали представлены неверно – Хазария будто бы только и делала, что совершала набеги на мирных киевских пахарей. Но археология и письменные источники не дают повода говорить о вредности хазарского соседства для восточнославянских племён. Напротив, «можно считать провидческим взгляд В. О. Ключевского на «хазарское иго», как на отношения, «способствовавшие развитию экономики славян», благодаря притоку из каганата в восточнославянские земли арабского серебра.

По мере усиления Древнерусского государства русские дружины всё чаще стали тревожить своими набегами Каспийское побережье Закавказья.

Так, в 909 г. русы на 16 судах пристали к острову Абескун в Астрабадском заливе и основательно пограбили его. Но правитель города Сари в Мазендеране (северная провинция Саманидского Ирана на берегу Каспийского моря) по имени Ахмад бен аль-Касим напал ночью на стоянку русов и разбил их. По-видимому, набег носил разведывательный характер или же

нападавшими были русские купцы, пожелавшие обзавестись рабами для торговли в Хазарии и Багдадском халифате.

На следующий год русы появились в ещё большем количестве. Внезапно напав на город Сари, они сожгли его, захватили жителей в рабство и поспешно удалились. Но во время одной из ночёвок русы забыли о мерах предосторожности, и та часть их, которая сошла на берег, была истреблена местными жителями. Уцелевшие были добыты уже на море флотилией ширваншаха (правитель северной части современного Азербайджана).

Новая экспедиция русов на Каспий была хорошо подготовлена. По сообщению Масуди, в походе 912/913 г. приняли участие 500 кораблей, на каждом из которых находилось до 100 человек.

«Русские» суда скопились перед входом в Керченский пролив, где у хазар имелась сильная крепость, охранявшая как летний путь по воде, так и переправу через пролив по льду в зимнее время. Военные цели экспедиции были слишком очевидны, и русы не решились плыть дальше без согласия хазарских властей, осложнять отношения с которыми им в данном случае было совершенно ни к чему. Хазарскому беку было направлено письмо с просьбой пропустить флот русов через его владения. В начале X в. государство ширваншахов было опорой арабов на Северном Кавказе, а Дербент являлся одним из главных торговых соперников Хазарии на кавказских рынках. Незадолго перед тем, в 909 или 912 г. хазары в союзе с дагестанскими князьями воевали с Дербентом и Ширваном. Поход русов на Каспий отвечал интересам и хазарской политики, и хазарской торговли. Поэтому бек разрешил русам продолжить их путь на условиях раздела захваченной добычи пополам.

Русы поднялись по Дону примерно до места впадения в него реки Иловли и перетаскивали волоком свои ладьи в Волгу. Спустившись затем к Итилю, они вышли в Каспийское море и рассеялись по всему побережью Кавказа и Закавказья. Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун, Азербайджан почти одновременно огласились воплями мирных жителей, не упоминвших такой напасти. Русы, пишет Масуди, «проливали кровь, захватывали женщин и детей, грабили имущество, снаряжали отряды для набегов, уничтожали и жгли дома». Отряды местных князьков не смогли отразить нападение. Одерживая победу за победой, русы «дошли до берегов возле нефтяных колодцев ширванского царства, известных под названием "Баку"». Здесь они обосновались на островах, расположенных неподалёку от берега. Ширваншах Али ибн аль-Хейсам попытался прогнать их оттуда при помощи большого войска, посаженного на барки и торговые суда. Но русы разметали неприятельский флот; тысячи мусульман были убиты или утонули в море.

Русы оставались хозяевами Каспия несколько месяцев, «и никто ничего не мог с ними сделать, – пишет Масуди, – хотя люди вооружились против них и принимали меры предосторожности». Наконец, обременённые добычей, они возвратились в устье Волги. Здесь они вступили в переговоры с беком и передали ему, как было обещано, половину награбленного добра и сокровищ. Казалось, было близко счастливое окончание похода. Но тут возмутилась хазарская гвардия, состоявшая большей частью из мусульман. Предводители гвардейцев потребовали от бека: «Предоставь нам расправиться с этими врагами, потому что они совершили нападение на области наших братьев мусульман, пролили их кровь и увели в плен их жён и детей».

В то время Хазария с трудом отбивалась от нападений печенегов, гузов и аланов, и в этих обстоятельствах бек не решился перечить гвардии. Этому отборному войску была предоставлена свобода действий; но бек, как честный компаньон, предупредил русов о готовящейся против них карательной акции.

Встревоженные русы немедленно поплыли вверх по Волге, надеясь уйти от преследования. Однако преследователи оказались более расторопны. Когда русы увидели, что сражения не избежать, они сошли на берег и выстроились в боевой порядок. Под знамёнами хазарской гвардии собралось около 15 000 человек, в основном конных. Масуди передаёт, что к мусуль-

манам примкнуло множество хазарских христиан, видимо тоже без особой симпатии относившихся к морским разбоям русов. Чрезвычайно упорное сражение продолжалось три дня, пока хазары не взяли верх. Почти все русы пали в бою. Те немногие, кому удалось спастись, переправились на другой берег, где через некоторое время были перебиты буртасами и волжскими булгарами.

Волжская катастрофа произвела большое впечатление на русов. В течение последующих тридцати лет жители каспийского побережья видели в голубой дали одни торговые суда и рыбацкие лодки.

Наконец, историческая неизбежность привела Древнюю Русь к прямому конфликту с Хазарией.

Однажды к киевской пристани в устье реки Почайны причалила богато украшенная ладья. На её борту находились послы василевса ромеев Романа I Лакапина. С собой они привезли много золотых монет и ещё больше обещаний. Взамен империя хотела, чтобы острые русские мечи обратились против хазар.

Эти события можно условно датировать второй половиной 30-х годов X века (более точной даты история не сохранила).

В это время между Византийской империей и Хазарией разгорелся жестокий конфликт. Интересы Византии и Хазарии в Северном Причерноморье были прямо противоположны. Власти империи всегда рассматривали безопасность крымских владений в качестве первоочередной задачи внешней политики. Ведь на Таманском полуострове и в Адыгее находились многочисленные источники нефти – важнейшего компонента секретного оружия Византии, так называемого «греческого огня». А принятие Хазарией иудаизма вносило в политические распри заметный оттенок религиозного противоборства.

Дошло до того, что василевс Роман I повелел всем живущим в империи евреям принять христианство. Византийские евреи толпами хлынули в сопредельные страны, в том числе в Хазарию, где царь Иосиф, разъярённый преследованием единоверцев, обрушил гонения на христиан.

Военные силы империи были заняты сразу на многих фронтах. На востоке Византия вела войну с арабами, на западе – с итальянскими герцогами и сарацинскими пиратами, на Балканах пыталась сдерживать амбиции болгарских царей. Поэтому бороться с каганатом приходилось чужими руками. Так послы императора очутились на берегах Днепра.

Киевским князем в то время был наследник вещего Олега — Олег II (этот правитель «выпал» из русских летописей и известен по сообщениям средневековых моравских и еврейских источников). Он свято соблюдал договор дружбы с империей ромеев, заключённый его отцом. Ещё в 924 году, когда болгарский царь Симеон с огромным войском осадил Константинополь, «светлый князь» готов был прийти на помощь ромейской столице. Вероятно, в это же время, стремясь к более тесным союзным отношениям с Ромейской державой, он принял крещение с именем Александр. Сделано это было в расчёте на повышение политического престижа. Император Константин Багрянородный свидетельствует, что вожди «северных народов», в том числе и русов, неоднократно просили василевсов послать им «что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий ради какой-либо их службы и услуги...». Судя по тому, что в арабских и еврейских источниках Олег II носит титул «царя русов», некий «царский венец» действительно был им получен.

В русско-византийском договоре 944 года упоминается киевская церковь пророка Ильи. Вероятно, это первый христианский храм в Киеве. И возведён он был, по всей видимости, новокрещёным князем Олегом/Александром.

Выполняя просьбу Романа I, Олег наносит удар по владениям Хазарии в Восточном Крыму. В 936 году русские ладьи врываются в Керченский пролив и захватывают портовый город, названный в Кембриджской рукописи С-м-к-рай. По всей видимости, под этим назва-

нием скрывается Фанагория или Таматарха-Тмуторокань. Нападение было хорошо подготовлено. Олег совершил нападение в то время, когда в С-м-к-рае не было градоначальника. Организовать оборону было некому. В темноте русы подплыли к С-м-к-раю, и той же ночью город оказался в руках Олега.

Городская казна ограблена, жители обложены данью. Богатую добычу Олег отослал в Киев, сам же с дружиной засел в С-м-к-рае. Используя город как военную базу, он принимается грабить хазарские поселения в Крыму и хазарских купцов.

Хазарская торговля терпит огромный ущерб. Но собственных сил для войны с Русью у Хазарии тоже нет. Восстановить порядок в регионе хазарские власти поручают чёрным булгарам. Эта приазовская орда подчинялась хазарам с VII века, но сохраняла автономию. Арабы называли земли чёрных булгар Внутренней Булгарией, в отличие от Булгарии Внешней – на Волге. По словам анонимного автора географического трактата «Худуд аль-Алам» («Границы мира»), чёрные булгары – «народ храбрый, воинственный, внушающий ужас». Их отношения с русами носили неприкрыто враждебный характер: «Внутренняя Булгария находится в состоянии войны со всей Русью».

Хан чёрных булгар, по всей видимости, принял иудаизм. Один еврейский источник («Кембриджский документ») называет его «досточтимый Песах». Этот человек оказался талантливым военачальником. Глубокий Керченский пролив, в котором господствовал русский флот, был непреодолимой преградой для булгарской конницы. Войско Песаха вторглось в Крым с севера, через Перекопский перешеек. Прежде всего Песах ударил по византийским владениям на южном побережье Крыма, протянувшимся от Херсонеса до Керчи. Эта линия приморских укреплений империи состояла более чем из 30 городов, крепостей, замков и монастырей. Песаху удалось овладеть тремя городами, в которых были истреблены все жители, от мала до велика. Херсонесу повезло больше – его крепкие стены спасли город от разгрома.

Покончив с местью Византии, войско Песаха устремляется к С-м-краю. Олег с дружиной запирается в городе, но не выдерживает осады и, потеряв многих людей, уплывает восвояси.

Напомню, что обо всех этих событиях мы знаем благодаря Кембриджской рукописи. Далее в ней говорится, что Песах не удовлетворился восстановлением власти Хазарии над Восточным Крымом и совершил поход в глубь Русской земли. Война Песаха с Олегом будто бы продолжалась четыре месяца – почти весь «военный сезон» того времени. В конце концов русы были снова побеждены: Олег подчинился Песаху и вернул всю захваченную в С-м-к-рае добычу.

На основании этих данных некоторые историки находят возможным говорить о покорении Русской земли Хазарским каганатом. Однако это чересчур смелый вывод. Нет ни малейших сомнений, что в этой части Кембриджской рукописи история перерастает в ура-патриотический роман. Исторические реалии исчезают, события происходят в безвоздушной среде авторского вымысла. Куда, например, девались печенеги? Ведь совершить переход от Азовского моря к Киеву, минуя их кочевья, было невозможно. Но их в рассказе Кембриджского документа будто не существует. Нечего и говорить о том, что покорение Русской земли силами одной булгарской орды в первой половине X века было уже совершенно немыслимым делом. Недаром современник событий – византийский император Константин Багрянородный – ничего не знает о подчинении «Росии» хазарам.

В договоре князя Игоря с греками 944 г. соотношение сил русов и чёрных булгар предстаёт совершенно в ином (и, безусловно, истинном) свете: киевский князь берет на себя обязательство не допускать набегов булгарской орды на херсонские земли, принадлежавшие Византии. А его современник хазарский царь (бек) Иосиф, был озабочен не тем, как собрать дань с русов, а тем, чтобы не допустить ограбления ими прикаспийских областей. Одну из главных своих заслуг он видел в том, что не позволяет русам, «приходящим на кораблях», входить в Каспийское море и нападать на мусульман. «Если бы я оставил их в покое на один час, – писал

Иосиф, – они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада». То есть Хазарии приходилось постоянно отбиваться от нападений русских дружин, пока ещё разрозненных.

Во время княжения Святослава Русь перешла в решительное наступление на Хазарию.

В 965 году Святослава прибыл в Тмуторокань, откуда задумал совершить набег на Адыгею. Поход начался успешно, но для того, чтобы закрепиться в Адыгее, у Святослава не хватило сил. Тогда он предложил горцам союз против хазар. Враги, как это часто бывало в то время, в одночасье сделались боевыми товарищами.

Саркел, запиравший донской водный путь, был бельмом на глазу не у одних русов, а у всех народов Приазовского региона. Как показывают археологические исследования, крепость была разрушена до основания (при раскопках Саркела в пластах приблизительно середины X в. обнаружен мощный слой со следами пожарища). Падение Саркела стало провозвестником скорого конца Хазарского каганата. Вернувшись в восточную Таврику, Святослав при помощи касожской дружины утвердился в Тмуторокани, которая, по единодушному мнению историков, именно с этого времени становится крымской колонией киевских князей.

969 год был отмечен грандиозным походом русов уже в самое сердце Хазарии. Руководил русской ратью, вероятно, кто-то из Ольгиных воевод (Святослав в это время воевал в Болгарии). Война началась на Средней Волге и закончилась на Каспии. Все немногие сведения об этом победоносном прорыве русских дружин на восток исходят от стороннего наблюдателя – арабского путешественника и писателя Ибн Хаукаля, который в 969 г. проезжал по южным областям Прикаспия, где повстречал многочисленных беженцев из Хазарии. По их словам, все Поволжье и значительная часть западного побережья Каспийского моря подверглись страшному разгрому.

Немного позже, в конце 70-х – начале 80-х гг. X в., работая над своей «Книгой путей и стран», Ибн Хаукаль несколько раз вспомнил о тех событиях. «Булгар, – пишет он в одном месте, – город небольшой... и опустошили его русы, а затем пошли на Хазаран, Самандар и Итиль, и случилось это в 358 году [хиджры; по европейскому летоисчислению ноябрь 968 – ноябрь 969 г.]».

Говоря о посещении им хазарского города Семендера (на Тереке), Ибн Хаукаль приводит следующие подробности: «В хазарской стороне есть город, называемый Самандар... Были в нём многочисленные сады: говорят, что содержали они около 40 тысяч виноградников, а я спрашивал об этом городе в Джурджане [на южном побережье Каспия] в 358 году [хиджры], вследствие близкого знакомства с этим городом, и сказал тот, кого я спрашивал: “Там виноградники или сад такой, что был милостыней для бедных, а если осталось там что-нибудь, то только лист на стебле”. Пришли на него русии, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма. А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев других религий и идолопоклонники, и ушли они, а вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдёт и трёх лет, и станет, как было [в тех местах виноградная лоза даёт первые плоды через три года]. И были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и свершили свой набег эти русы на всех, кто был на берегу Итиля из числа хазар, болгар и буртасов, и захватили их, и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абваб [видимо, один из островов в дельте Волги] и укрепился на нём, а часть их в страхе поселились на острове Сийах-Куих [Мангышлак]».

И, подводя итог, Ибн Хаукаль пишет: «Не оставил в наше время ничего этого [имущества и т. д.] ни у буртасов, ни у хазар народ рус...»

Поход 969 г. в Хазарию преследовал, по-видимому, чисто политические цели. Мы видели, что с конца 30-х гг. X в. Русь неустанно старалась расширить своё влияние в Северном Причерноморье, для того чтобы: 1) навязать Византии военно-стратегическое партнёрство в этом регионе и 2) повысить международный статус Русской земли и киевских князей. Первая задача была решена князем Игорем. По договору 944 г. Русская земля сделалась официальным союзником Византии на северных берегах Черного моря. Но притязания киевских пра-

вителей на высокие титулы («царские венцы», о которых писал Константин Багрянородный) наталкивались на консерватизм византийской политики. Несмотря на то, что в первой половине X в. могущество Руси постоянно росло, а Хазария столь же неуклонно слабела, Византия по традиции ставила хазарского кагана выше великого русского князя. К дипломатическому документу, адресованному главе Хазарии, в императорской канцелярии привешивалась печать стоимостью в три золотых солида, тогда как «архонт» и «архонтисса Росии» (как называли князя Игоря и княгиню Ольгу) получали от василевсов грамоты с печатью стоимостью в два золотых солида. Ольга собралась исправить эту историческую и политическую нелепость. Вероятно, замысел волжско-каспийского похода созрел у неё после падения Саркела, когда военная немощь каганата вдруг обнаружилась воочию. Разорение Итиля и Семендера явилось завершением длительного военного давления Русской земли на Хазарскую державу.

Правда, русы не закрепились в Поволжье и в том же 969 г. вернулись в Киев. Но бассейны Дона и Северского Донца во второй половине X в. стали активно заселяться славянами. Остатки прежнего населения Саркела были поглощены многочисленными славянскими переселенцами, и к началу XI в. Саркел превратился в русский город – Белую Вежу.

Народы Поволжья, лишь краем задетыые походом 969 г., как то буртасы и волжские булгары, довольно скоро оправались от причинённых им разрушений. Но для Хазарского каганата русский удар оказался смертельным, и спустя три-четыре десятилетия это государственное образование окончательно исчезло с лица земли.

Случилось это уже в годы правления князя Владимира.

В 70—80-х гг. X в. хазарские беженцы, пережившие русский погром Итиля 968/969 г., вновь заселили опустевшие низовья Волги. Вместе со своим народом в родные места вернулся и царь Хазарии. Формально каганат был восстановлен, но это было государство-призрак, нежизнеспособное и едва контролирующее узкую степную полосу между Итилем и Таманью, а также небольшой участок земли на северо-западном побережье Каспийского моря; хазарская столица Итиль, бывшая некогда крупнейшим городом Поволжья и Северного Кавказа, так никогда и не возродилась в былом виде.

Набеги гузов – северных соседей Хазарии – грозили ей полным исчезновением. В поисках защиты хазарский царь обратился к шаху Хорезма, который укротил степняков, но в качестве платы за помощь потребовал, чтобы хазары отказались от иудейства и приняли ислам. Отчаявшись собственными силами отстоять свою государственность, хазары в очередной раз поменяли веру. Однако Аллах остался так же глух к их надеждам, как и Яхве. Приблизительно в середине 980-х гг., как пишет современник, арабский учёный аль-Мукаддаси, «войско, пришедшее из ар-Рума и называемое ар-Рус, напало на них [хазар] и овладело их страной». Поскольку арабское «ар-Рум» буквально означает Византию, в данном случае это, очевидно, соседнее с византийскими владениями в Крыму «русское» побережье Таврики. Стало быть, Владимир напал на Хазарию из Тмуторокани.

Потерпев поражение в первой же стычке, хазары прекратили сопротивление – всем ещё слишком памятен был 968/969 г., когда разъярённые русы не оставили в опустошённой стране «ни винограда, ни изюма».

Захват Владимиром Итиля грозил перерасти в вооружённый конфликт с Хорезмом. Однако, согласно несколько тёмному показанию Ибн Хаукаля, хазары сами умоляли шаха Хорезма, их нового покровителя, не затевать войну и позволить им заключить с русами договор, чтобы «они [хазары] были бы покорны им [русам]». По всей видимости, как следует из слов древнерусского писателя середины XI века Иакова Мниха, хазарское население было обложено данью в пользу русского князя. Повесть временных лет (в легенде о «хазарской дани») также замечает: «...володеють бо козары русьскіи князи и до днешнего дне».

Правда, вряд ли сбор дани осуществлялся со всей территории каганата. В ряде восточных источников говорится об оккупации в 90-х гг. X в. приволжских городов Хазарии войсками

хорезмийского шаха. С другой стороны, сомнительно, чтобы русские князья владели поволжскими хазарами «до днешнего дне», когда писалась Повесть временных лет, то есть в конце XI – начале XII в., поскольку тогда в Дикой степи безраздельно господствовали половцы. Поэтому наиболее вероятно, что русы и хорезмийцы разделили сферы влияния в Хазарии, и Владимир (а также последующие русские князья) собирал дань только с западных хазар, живших в Крыму и по соседству с «русской» Таврикой, между Доном и Кубанью.

Зажатый между Русью и Хорезмом Хазарский каганат был низведён на последнюю ступень ничтожества. С конца X в. его сильно поредевшее население ютилось в полуразрушенных городах, где ещё сохранялось какое-то подобие стабильности. Характерно, что византийские и западноевропейские писатели XI—XII вв., говоря о Хазарии, подразумевают под ней уже только Крым, в котором ещё долгое время существовала довольно многочисленная община хазарских иудеев (караимов).

Поставив в данническую зависимость западную часть Хазарии, Владимир присвоил себе титул кагана («великим каганом земли нашей» величает его митрополит Иларион в своём «Слове о законе и благодати»). То был обдуманый политический шаг. Русские князья издавна стремились к международному признанию своего титула «великий князь русский», который, однако, в иерархии правителей Восточной и Западной Европы котируется довольно низко, в одном ряду с племенной титулатурой вождей печенегов и венгров. Поэтому начиная с Игоря, как о том свидетельствует Константин Багрянородный, киевские князья стремились повысить международный престиж своего «княжения», домогаясь «царских венцов» от византийских императоров. Византия со своей стороны проявляла крайнюю неуступчивость в этом вопросе.

И вот Владимиру представился удобный случай решить проблему титулования другим способом – за счёт присвоения себе титула кагана, который обладал неоспоримым авторитетом не только среди народов Восточной Европы, но и при константинопольском дворе, где хазарского кагана в официальных документах именовали «наиблагороднейшим и наиславнейшим». Тяга «робичича» (сына «рабыни») к пышным титулам вполне понятна и с психологической стороны. Вместе с тем принятие Владимиром титула хазарского владыки не сопровождалось заимствованием каких-либо элементов государственно-административной системы Хазарии. Более того, реальный статус хазарского кагана, который, согласно тюркским обычаям, мог стать объектом жертвоприношения, вряд ли воспринимался первыми правителями русов как привлекательная модель организации верховной власти. О претензиях русских князей на «хазарское наследство» можно говорить только в смысле территориальном – как об этом сказано в Повести временных лет: «Владеют русские князья хазарами и по нынешний день».

Принимая титул кагана, Владимир заявлял о себе как о могущественнейшем и, по сути, единственном законном правителе Восточной Европы – от Дона и Волги до Карпат и от Балтийского до Черного моря. Это был вызов, обращённый ко всем окрестным государям, но прежде всего – к императору Византии. «И единоподержцем будучи земли своей, покорил под себя окрестные страны – те миром, а непокорные мечом...» – подводит итог дохристианского правления Владимира митрополит Иларион.

Государственное величие Русской земли, опиравшееся на материально-идеологические ресурсы языческого общества, достигло своего предела. Дальнейшее развитие её государственного суверенитета было невозможно без коренного преобразования религиозно-политических основ княжеской власти.

Тем не менее даже после принятия христианства русские князья ещё долго не расставались с престижным титулом кагана. Каганом Русской земли называли не только самого Владимира, но и его сына Ярослава Мудрого, и внука Святослава Ярославича (на фреске в Киевском соборе Святой Софии с изображением киевского князя Святослава Ярославича (1073—1076) сохранилось граффити с молитвой о спасении души «Съпаси Г[оспод]и каг[а]на нашего», то есть «Спаси Господи кагана нашего»). Последний раз в источниках («Слово о полку Игореве»)

каганом назван был тмутороканский князь-изгой Олег, сын Святослава Ярославича – он умер в 1115 году новгород-северским князем.

Таким образом Русская земля является историческим наследником не только православной Византии, но также и иудейской Хазарии.

Русь и печенеги

По-тюркски имя этого народа звучало как беченек; византийцы называли их пачинаки/пачинакиты, арабы – баджнук. Некоторые историки полагают, что этноним беченек/печенеги происходит от имени исторического или легендарного вождя Бече. Однако вероятнее другое. Печенежская орда состояла из разных племен и этносов. По свидетельству Константина Багрянородного, самоназвание трёх её «колен» или «округов» (малых орд) было кангар – «как более мужественных и благородных, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар». Кангарами, по всей видимости, были тюркские выходцы из распавшегося политического союза, носившего их имя (в государственное объединение Кангуй/Кангар (II в. до н. э. – IV в. н. э.) входили кочевые и оседлые племена на землях Хорезма, в районе среднего и нижнего течения Сырдарьи). В своём движении на запад они влились в угорские племенные группировки Южного Приуралья, которые, собственно, и назывались печенегами (ср. финноугорский гидроним «Печенга»), заняв среди них привилегированное положение.

До начала IX в. печенеги обитали между Нижней Волгой и Аральским морем. Затем, в период хазарской смуты, они прорвались в Среднее Подонье. Но здесь они пробыли недолго. Хазары натравили на них огузов (торков), чей удар расколол печенежскую орду. Анонимный персидский автор географического трактата «Границы мира» (конец X в.) говорит уже о двух ветвях печенегов: тюркской и хазарской. Последняя кочевала в степном междуречье Нижнего Дона и Нижней Волги. Константин Багрянородный писал о ней: «Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих: одеяние своё они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показывать, что они отрезаны от своих родичей и соплеменников».

Хазарская ветвь печенегов быстро захирела и утратила этническую самостоятельность.

Другая, тюркская ветвь (названная так по причине присутствия среди них тюрков-кангар), откатилась на запад. Бежав от огузов, говорит Константин Багрянородный, печенеги «стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения». Археологи прослеживают их путь по дотла спаленным поселениям Среднего и Нижнего Подонья (салтовской культуры), развалинам замков и городов на Таманском полуострове. С конца 80-х – начала 90-х гг. IX в. византийские и западноевропейские источники отмечают присутствие печенегов в Нижнем Поднепровье и Северном Причерноморье.

Причерноморская орда состояла из 40 родов, которые объединялись в 8 колен. Колена возглавляли ханы, роды – старейшины, «архонты более низкого разряда», по определению Константина Багрянородного, или «лучшие мужи в родах», как называет их наша летопись. Ханья пользовались неограниченной властью только на войне. Византийский император отметил древний обычай престолонаследия в коленах, по которому власть над ордой наследовал не сын или брат умершего хана, а двоюродный брат покойного или один из его сыновей, «чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии». Днепр делил печенежскую орду надвое. Кочевья четырёх колен находились к западу от Днепра (до бассейна Прута), четырёх других – к востоку (до донских степей). По подсчётам арабских писателей, путь из конца в конец печенежских земель занимал месяц конной езды. Летом, в поисках пастбищ, печенеги устремлялись в днестровские степи, к берегам Черного моря и на равнины Подунавья, а с наступлением осени возвращались в Приднепровье. Постоянных зимовищ, как и кладбищ, у печенегов не было.

Ибн Фадлан, видевший печенегов своими глазами, описал их внешность так: «Они – тёмные брюнеты с совершенно бритыми бородами». Десятилетия кочевой жизни в днепровско-днестровских степях и регулярные набеги на соседей обогатили печенегов, сделали их, по свидетельству персидского географа XI в. Гардизи, владельцами больших стад лошадей и баранов, золотых и серебряных сосудов, серебряных поясов и хорошего оружия. Среди характерных печенежских изделий упоминаются между прочим трубы в виде бычьих голов, при помощи которых ханы подавали сигналы своим воинам во время боя. Часть этих предметов присутствует в печенежских могильных курганах – наборные серебряные пояса, серединные костяные накладки на тяжёлые луки, прямолезвийные сабли, колчаны со стрелами, глиняные сосуды с «роскошным» орнаментом и т. д. Рядом со всадником хоронили его коня, положенного на брюхо, взнузданного и осёдланного. В X в. такой погребальный обряд распространился по всей Великой степи.

Боеспособность печенежской орды современники оценивали весьма высоко. Архиепископ Феофилакт Болгарский (X в.) писал, что набег печенегов – это «удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко – от быстроты бегства. Нападая, они предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное – они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная – для них несчастье, верх благополучия – когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеваются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчёл, и никто ещё не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».

Византийский историк второй половины XII – начала XIII в. Никита Хониат считал, что в сражениях с ромеями печенеги имели значительное преимущество, благодаря стремительным конным атакам, меткому обстрелу из луков и устрашающему действию оглушительного крика, с которым они производили свои налёты.

Однако ни людские ресурсы, ни военная организация не позволяли печенегам покончить с противником одним ударом, раз и навсегда подорвать его могущество, как это удавалось, например, монголам; военное давление с их стороны выражалось в непрерывных набегах. Поэтому цивилизованные соседи печенегов довольно часто с успехом противостояли им. Так, в одном из сражений с византийцами печенеги огородились повозками, создав подобие степной крепости. Это было действенное средство против конницы, с которой преимущественно и привыкли иметь дело печенеги. Но пешие варанги-«секироносцы» (выходцы из Британии) быстро разрушили укрепление и ворвались внутрь, обеспечив ромеям победу. По сведениям Ибн Русте и Гардизи, хазары ежегодно совершали походы в страну печенегов (восточноднепровских) и приводили оттуда множество пленных. Впрочем, для того чтобы изгнать печенегов из Северного Причерноморья, у Хазарского каганата не хватало сил.

Византия и подавно стремилась поддерживать с печенегами мирные отношения. Печенежский козырь был очень значим в той политической игре, которую вела империя на своих северных границах. Подытоживая внешнеполитический опыт своих предшественников, Константин Багрянородный наставлял своего сына: «[Знай], что, пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки [венгры] не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят против ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жён и детей и разорять их землю».

Между северной линией печенежских кочевий и южнорусской границей пролегла узкая нейтральная полоса в «один день пути» (30—35 километров). Какое-то время она достаточно надёжно обеспечивала спокойствие Русской земли. На Днепре даже завязалась довольно ожив-

лённая русско-печенежская торговля. Русские купцы покупали у степняков коров, коней и овец. Константин Багрянородный полагал, что это позволяло русам «жить легче и сытнее». Как показывают археологические исследования, собственное животноводство и в самом деле удовлетворяло лишь немногим больше половины потребности жителей Киевской земли в мясе.

Сообщение о первой стычке помечено в Никоновской летописи 875 г.: «Того же лета избиша множество печенег Осколд и Дир». Однако эта дата плохо согласуется с археологическими сведениями о местонахождении печенегов во второй половине IX в. Более правдоподобно выглядит сообщение Повести временных лет под 915 г.: «Приидоша печенези первое на Руськую землю, и сотворивше мир с Игорем...». В 920 г. в поход выступает уже сам Игорь: «Игорь воеваша на печенеги»; впрочем, как направление похода, так и его исход остаются загадкой.

Всё же есть основания полагать, что первые набеги печенегов на Русь, как правило, были удачны. Особенно страдали от них славяне, жившие в лесостепной зоне к востоку от Днепра. Археологические раскопки здешних поселений показывают, что с началом X в. начинается их запустение и значительное падение уровня жизни населения. Исчезают крупные ремесленные центры, реже встречаются украшения из драгоценных металлов, прекращается торговля с мусульманским Востоком. Константин Багрянородный пишет, что печенеги способны воевать с венграми, болгарами и русами «и, многократно нападая на них, стали ныне [им] страшными».

Очевидно, что киевскому княжескому роду и всем «кыянам» было очень важно замирить печенегов и заручиться их дружбой. Ведь, по словам Константина Багрянородного, «против удалённых от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность – в то время, когда росы удалятся от своих семей, – напав, всё у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силён этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться».

Судя по всему, в 30-х гг. X в. печенежский натиск на Русскую землю значительно ослаб. Следующее летописное известие о печенегах под 944 г. говорит о них как о союзниках Игоря в походе на греков. О мирном соглашении (или ряде мирных соглашений) между Киевом и степью свидетельствует и тот факт, что печенеги не препятствовали русам обосноваться в Нижнем Поднепровье и Северном Причерноморье. Однако периоды дружбы длились недолго, заканчиваясь вместе с завершением совместного похода или тогда, когда подарки киевского князя переставали удовлетворять алчность печенежских ханов. И тогда, говорит Константин, «частенько, когда у них нет мира друг с другом, они [печенеги] грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб».

Возможно, именно тогда, при Игоре, Русская земля начала опоясываться первыми «Змиевыми валами» – земляными укреплениями, затруднявшими подступы к Киеву со стороны степи.

В 968 году, в то время, когда князь Святослав воевал в Болгарии, Киев обступила печенежская орда. Княгиня Ольга затворилась в городе со своими внуками, сыновьями Святослава – Ярополком, Олегом и Владимиром.

На помощь киевлянам пришли какие-то ратники с другой стороны Днепра (то есть с днепровского левобережья, возможно, черниговцы), приплывшие к городу в ладьях. Возглавлял их воевода Претич. Но эта флотилия робко толкалась у противоположного берега, не решаясь переправиться на другую сторону. А снестись с осаждёнными, чтобы они поддержали высадку на берег одновременной вылазкой из города, у Претича не было возможности – так плотно печенеги обложили Киев.

Между тем киевляне стали изнемогать от голода и жажды. Наконец, когда терпеть тугу доле стало невозможно, осаждённые собрались на вече и решили: если не найдётся среди них

смельчака, который взялся бы нынче же перебраться на ту сторону Днепра и оповестить Претича, чтобы он не медлил с переправой, то завтра утром горожане откроют ворота печенегам. Один отрок вызвался идти. Он вышел из города с уздечкой в руке и побежал через печенежский табор, спрашивая у попадавшихся ему на пути степняков, не видел ли кто из них его коня. И так как он говорил по-печенежски, то враги принимали его за своего. Добежав до Днепра, отрок скинул с себя одежду и бросился в волны. Тут только печенеги сообразили, что это киевский гонец, и стали стрелять по нему из луков, но не попали. Люди Претича, наблюдавшие за переполохом в печенежском стане, поплыли навстречу пловцу и взяли его в ладью. Приведённый к воеводе, отрок передал ему решение киевлян. Претич и не помышлял биться со всей ордой, чтобы спасти Киев. Но дабы избежать гнева Святослава, он решил завтра пробиться в город, захватить Ольгу и княжичей и умчаться на левый берег.

Незадолго до рассвета дружина Претича села в ладьи и громко затрубила; киевляне отозвались дружным криком. И вдруг печенеги бросились врассыпную – им показалось, что это подоспело войско Святослава. Княжескую семью без помех переправили на другой берег. Тем временем печенежский хан, опомнившись, подъехал один к воеводе Претичу и спросил, кто он, не князь ли. Претич отвечал, что он княжий «муж» и пришёл со сторожевым отрядом, а Святослав идёт следом с бесчисленным войском – это он добавил, чтобы припугнуть вражину. Хан запросил мира; Претич великодушно протянул ему руку. Они обменялись оружием в знак дружбы, и хан отъехал.

Однако печенеги не ушли в степь – встали неподалёку от Киева, на реке Лыбедь. Спустя какое-то время подоспевший Святослав, до которого дошли вести об угрозе Киеву и его семье, окончательно прогнал печенегов в степь.

Игорь и Святослав использовали печенегов для своих военных операций против Византии, но эти союзы, очевидно, зиждились лишь на разделе военной добычи. Судьба князя Святослава – хороший пример того, как мало значили для печенегов договоры с утратившим силу союзником.

Первый удар по печенежскому могуществу был нанесён во время недолгого правления князя Ярополка Святославича. Подробности его похода против печенегов неизвестны. Короткая летописная строка говорит только, что степные орды были рассеяны русской ратью: «победи Ярополк печенеги, и възложи на них дань». Сокрушительное поражение произвело такое впечатление на печенежских ханов, что один из них, по сообщению того же источника, поспешил отдаться под Ярополкову руку: «Прииде Печенежский князь Илдея, и бил челом Ярополку в службу; Ярополк же приат его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице».

Укротить печенежскую опасность выпало на долю князя Владимира. Многолетняя война Руси с печенегами в его княжение охарактеризована «Повестью временных лет» как одно нескончаемое сражение: «рать велика бес перестани». Однако мы можем выделить в этой растянувшейся почти на четверть века борьбе два этапа.

Первый, сугубо оборонительный, продолжался примерно до конца 90-х гг. X в. Он был отмечен как блестящими победами русского войска, вроде той, которая получила легендарное отражение в сказании о переяславском отроке, так и тяжёлыми поражениями, когда жизнь самого князя Владимира оказывалась под угрозой: «...приидоша печенези к Василеву, и Володимер с малыми людьми изыде противу им, и не мог Володимер стати противу им, подбег ста под мостом, едва укрыся от противных» (летописная статья под 995г.).

К археологическим свидетельствам яростного печенежского натиска на Русь относятся разорённые пограничные городки, расчленённые тела людей в древнерусских погребениях этого времени, скелеты мужчин, хранящие следы сабельных ударов (могильники в Воине и Жовнине). В постоянной опасности находился и Киев, о чём говорят остатки внушительного вала, которым Владимир опоясал Старокиевский холм.

Но политика князя по укреплению южной границы принесла свои плоды. Хотя печенеги и доходили до белгородской оборонительной линии, им, по-видимому, всё же не довелось разбить свои шатры под стенами «матери городов русских». В 1018 г. немецкий хронист Титмар Мерзебургский, хорошо информированный о русских делах, записал, что Киев – город «чрезвычайно укрепленный», и «до сих пор ему, как и всему тому краю... удавалось противостоять весьма разорительным набегам печенегов».

С началом XI в. война вступила во второй этап. Русь перешла к наступлению на степь. Наибольшие успехи были достигнуты на правом берегу Днепра. Применительно к этому времени археология фиксирует расширение зоны славянской колонизации в Среднем Поднепровье до бассейна реки Рось, неуклонный рост количества пограничных поселений (в том числе торговых) и увеличение занимаемых ими площадей. Правобережная печенежская орда вынуждена была откочевать далеко вглубь степи. Если в середине X в. Константин Багрянородный писал, что печенежские кочевья отделяет от «Росии» всего «один день пути», то епископ Бруно Кверфуртский в 1008 г. засвидетельствовал, что его путь от Киева до русско-печенежской границы продолжался уже два дня (что соответствует расстоянию от Киева до берегов Роси), а месторасположение самого табора печенегов было обнаружено им лишь на пятый день путешествия по степи. Он же отметил глубокую усталость кочевников от войны и, главное, их убеждение, что длительный мир с Русью возможен только при условии, если «государь Руси не изменит уговору». Другими словами, Владимир к тому времени настолько сильно прижал правобережных печенегов, что судьбы войны и мира всецело находились в его руках. Стараниями Бруно мир тогда был заключён, но продлился он, по-видимому, недолго, и в последние годы жизни Владимиру вновь пришлось вести брань с вероломными степняками.

И всё же, именно в княжение Владимира были заложены предпосылки для окончательной победы над печенегами и изгнания этой орды из «русского» ареала Великой степи.

Во время династической смуты 1015—1019 гг. печенеги поддержали князя Святополка, но были разбиты Ярославом Мудрым.

Последнее и, по всей видимости, решающее столкновение с печенегами датируется летописью 1036 г. В то время, когда Ярослав был в Новгороде, к нему пришла весть, что печенеги осадили Киев. Собрав многочисленное войско из варягов и словен, Ярослав поспешил к Киеву. Печенегов было без числа, но Ярослав дал им бой в открытом поле. Противники схватились на месте, где позднее был построен собор святой Софии. После жестокой сечи, к вечеру одолел Ярослав. Печенеги бросились врассыпную, множество их утонуло в Сетомли и других реках, а остаток их, добавляет летописец, бежит где-то «и до сего дня».

Из византийских источников следует, что печенеги отхлынули в Подунавье, откуда стали тревожить набегами Болгарию и Византию. «Это событие, оставляемое без внимания во всех новых исторических сочинениях, – пишет В.Г. Васильевский по поводу перехода печенегами Дуная, – имеет громадное значение в истории человечества. По своим последствиям оно почти так же важно, как переход за Дунай западных готов, которым начинается так называемое переселение народов... Непосредственной причиной великого движения с запада на восток, то есть Первого крестового похода, насколько эта причина заключалась в положении Восточной империи, были не столько завоевания сельджуков в Азии, сколько грозные и страшные массы орды печенежской, угрожавшей самому Константинополю»⁸.

В 1091 г. половецкие ханы Боняк и Тугоркан, явившиеся на Балканы по приглашению византийского императора Алексея I Комнина, разгромили придунайских печенегов в долине реки Марицы. С печенежским господством на Балканах и в Подунавье было покончено в один день. Масштабы постигшей печенегов военной катастрофы изумили современников. «В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ,

⁸ Васильевский В.Г. Труды. СПб. Т. I. 1908, с. 7—8.

численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах, – писала дочь Алексея Комнина, Анна. – Это было 29 апреля, в третий день недели».

Конечно, известие Анны Комнин о гибели всего печенежского «народа» не следует понимать буквально. Источники первой половины XII в. все ещё упоминают об остатках придунайских печенегов. Но как субъект исторического процесса печенеги навсегда сошли с политической сцены.

Половцы: история не сложившегося этноса

Происхождение

Происхождение этой группы кочевых племен изучено слабо и здесь до сих пор много неясного. Многочисленные попытки обобщить имеющийся исторический, археологический и лингвистический материал пока что не привели к формированию единого взгляда на эту проблему. И поныне остаётся в силе замечание тридцатилетней давности одного из специалистов в этой области, что «создание (фундаментального) исследования по этнической и политической истории кипчаков с эпохи древности до позднего средневековья – одна из нерешённых задач исторической науки»⁹.

Очевидно, впрочем, что к ней неприменимы понятия народа, народности или этноса, ибо самые разнообразные источники свидетельствуют о том, что за этническими терминами «кыпчаки», «куманы», «половцы» скрывается пёстрый конгломерат степных племен и родов, в котором изначально присутствовали как тюркские, так и монгольские этнокультурные компоненты.

Несмотря на определённую этнографическую и языковую близость, эти племена и кланы вряд ли могли иметь единую родословную, поскольку различия в быту, религиозных обрядах и, судя по всему, в антропологическом облике были всё же весьма существенны, чем и объясняется разноречивость в этнографических описаниях куманов-кыпчаков. Например, Гильом де Рубрук (XIII в.) поверстал под единый «куманский» похоронный обряд погребальные обычаи разных этнических групп: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращённую лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещён. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырёхугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырёх сторон мира по сю сторону площади». Он же замечает, что мужчины у «куманов» заняты разнообразными хозяйственными работами: «делают луки и стрелы, готовят стрелы и уздечки, делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс... делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьючат их».

Между тем другой западноевропейский путешественник XIII в. Плано Карпини из наблюдений за «куманами» вынес впечатление, что, по сравнению с женщинами, мужчины «ничего вовсе не делают», разве что имеют «отчасти попечение о стадах... охотятся и упражняются в стрельбе» и т. д.

Наиболее крупные племенные разветвления кыпчаков отмечены в сочинениях восточных авторов XIII–XIV вв. Так, энциклопедия Ан-Нувайри выделяет в их составе племена: токсоба, иета, бурджоглы, бурлы, кангуоглы, анджоглы, дурут, карабароглы, джужан, карабиркли, котян (Ибн-Халдун добавляет, что «все перечисленные племена не от одного рода»). По сообщению Ад-Димашки, кыпчаки, переселившиеся в Хорезм, назывались тау, бузанки, башкырды. Родоплеменные объединения половцев знает и «Повесть временных лет»: турпей, елктукловичи и др.

⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С 168.

Фиксируемая археологией монгольская примесь среди кумано-кыпчакских племен была достаточно заметна и для современников. Относительно племени токсоба («токсобичи» русских летописей) имеется показание Ибн-Халдуна о его происхождении «из татар» (в данном контексте – монголов). Показательно также свидетельство Ибн аль-Асира о том, что монголы, желая расколоть кыпчако-аланский союз, напоминали кыпчакам: «Мы и вы – один народ и из одного племени...»

Более того, нет ни одного надёжного свидетельства, что у них когда-либо существовало общее самоназвание. «Куманы», «кыпчаки», «половцы» – все эти этнонимы (точнее, псевдо-этнонимы, как увидим ниже) сохранились исключительно в письменных памятниках соседних народов, причём без малейшего указания на то, что они взяты из словарного обихода самих степняков. К определению этого степного сообщества не подходит даже термин «племенной союз», так как в нем отсутствовал какой бы то ни было объединяющий центр — господствующее племя, надплеменной орган управления или «царский» род. Были отдельные кыпчакские ханы, но хана всех кыпчаков никогда не было¹⁰.

Поэтому речь должна идти о довольно рыхлом и аморфном родоплеменном образовании, чьё оформление в особую этническую группу, наметившееся во второй половине XII – начале XIII вв., было прервано монголами, после чего кумано-кыпчакские племена послужили этническим субстратом для формирования ряда народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Средней Азии и Западной Сибири – татар, башкир, ногайцев, карачаевцев, казахов, киргизов, туркмен, узбеков, алтайцев и др.

Первые сведения о «кыпчаках» восходят к 40-м гг. VIII в., когда в среднеазиатском регионе окончательно распался Тюркский каганат (так называемый Второй Тюркский каганат, восстановленный в 687—691 гг. на месте Восточнотюркского каганата, разгромленного китайцами в 630 г.), не устоявший перед восстанием подвластных племён. Победители, среди которых первенствующую роль играли уйгуры, дали побеждённым тюркам презрительное прозвище «кыпчаки», означавшее по-тюркски что-то вроде «беглецы», «изгои», «неудачники», «злосчастные», «злополучные», «никчёмные».

Самое раннее упоминание слова «кыпчак» (и притом в связи с тюрками) встречается именно в древнеуйгурской письменности – на «Селенгинском камне», каменной стеле с руническими (орхонскими) письменами, установленной в верховьях р. Селенги правителем Уйгурского каганата Элетмиш Бильге-каганом (747—759 гг.). В 1909 г. памятник обнаружил и исследовал финский учёный Г. Й. Рамstedт. Выбитый на его северной стороне текст серьёзно повреждён, в том числе четвёртая строка, которая имеет лакуну в начальной части. Рамstedт предложил для неё конъектуру: «когда тюрки-кыпчаки властвовали над нами пятьдесят лет...» В настоящее время эта реконструкция общепризнана, причём слову «кыпчак» обыкновенно придаётся этнический смысл («народ тюрков-кыпчаков»), какового на самом деле предполагать не приходится, поскольку древнетюркские надписи не знают случаев слияния или отождествления парных этнонимов. С учётом вышеупомянутого нарицательного значения слова «кыпчак» начало строки следует читать: «когда презренные тюрки...».

Но политически окрашенный термин, малопригодный для этнического самосознания, едва ли оказался бы столь живучим, если бы не претерпел дальнейших метаморфоз, – и прежде всего в восприятии самих побеждённых, утративших вместе с родоплеменной политической структурой (в виде Тюркского каганата) также и возможность надёжной этнической самоидентификации в окружении родственных тюркоязычных племен. Весьма вероятно, что по крайней мере в некоторых племенных группах разбитых тюрков (оттеснённых к предгорьям Алтая), под влиянием катастрофического поражения, круто изменившего их социально-политический

¹⁰ См.: Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Соч. М., 1968. Т. V. С. 209.

статус, произошла коренная ломка племенного и политического самосознания, результатом чего стало принятие ими названия «кыпчак» в качестве нового автоэтнонима.

Такому замещению могло способствовать характерное для религиозно-магического мышления представление о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). Исследователи отмечают, что «у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда очень обширный класс имён-оберегов. Так, детям или взрослым обычно после смерти предыдущего ребёнка или члена семьи (рода), а также после тяжёлой болезни или пережитой смертельной опасности дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье». В силу подобных представлений и для тюрков, испытавших на себе злобу враждебных духов, средством спасения точно так же могло стать «принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «никчёмные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике»¹¹.

Так, в преданиях племени сеяньто, в своё время также потерпевшего тяжёлое поражение от уйгуров, победа последних прямо объясняется вмешательством сверхъестественных сил: «Прежде, перед тем как сеяньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя – оказывается, у него волчья голова (волк – мифический предок уйгуров. – С. Ц.). Хозяин не заметил. После того как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугюнь. Увидели там двух людей. Они сказали: «Мы – духи. Сеяньто будут уничтожены». (...) И вот теперь сеяньто действительно разбиты под этой горой».

Впоследствии слово «кыпчак» подверглось дальнейшему переосмыслению. Этот процесс был связан с новым ростом политического значения тюрков-«кыпчаков». Отступив на юг Западной Сибири, они оказались в соседстве с кимаками¹², вместе с которыми, после гибели Уйгурского каганата (павшего около 840 г. под ударами енисейских киргизов), создали Кимакский каганат – государственное образование, основанное на господстве кочевников над местным оседлым населением.

Приблизительно в то же время, когда «кыпчаки» снова входят в состав господствующей верхушки, меняется и семантика их племенного прозвища. Теперь его стали сблизать с тюркским словом «кабук»/«кавук» – «пустое, дуплистое дерево»¹³. Для объяснения новой этимологии псевдоэтнонима (совершенно безосновательной с научной точки зрения) была придумана соответствующая генеалогическая легенда. Любопытно, что позднее она проникла даже в эпос уйгуров, забывших первоначальное значение прозвища «кыпчак». Согласно огузскому преданию, в подробностях переданному Рашид ад-Дином (1247—1318 гг.) и Абу-ль-Гази (1603—1663 гг.), Огуз-хан – легендарный прародитель огузов, в том числе и уйгуров, – «потерпел поражение от племени ит-барак, с которыми он воевал... В это время некая беременная женщина, муж которой был убит на войне, вошла в дупло большого дерева и родила ребёнка... Он стал на положении ребёнка Огуза; последний назвал его Кыпчак. Это слово производное от слова Кобук, что по-тюркски означает – "дерево со сгнившей сердцевиной"». Абу-ль-Гази также замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют "кыпчак". Все кыпчаки происходят от этого мальчика».

¹¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трёх тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 120–126.

¹² По всей видимости, «книжный» этноним, который арабские авторы прилагали к группе племён монгольского происхождения, в конце VIII – начале IX вв. обосновавшихся в границах среднего течения Иртыша и смежных с юга областей. Отдельные орды кимаков зимовали на берегах Каспийского моря, и в «Шах-намэ» оно даже называется Кимакским морем.

¹³ Образ дерева играет значительную роль в мифологии кочевников. Иногда даже говорят об «одержимости» тюрков идеей дерева (Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990, с. 43). Некоторые тюркские народности Южной Сибири носят имя какого-либо дерева, с которым себя ассоциируют. Дерево как родовое святилище почиталось и в Средней Азии у узбеков племени канглы.

Другой вариант легенды приводит Мухаммад Хайдар (ок. 1499—1551 гг.) в своём «Огуз-намэ»: «И вот пришёл Огуз-каган с войском к реке, называемой Итилем (Волга). Итиль – большая река. Огуз-каган увидел её и говорил: "Как переправимся через поток Итиля?" В войске был один дородный бек. Имя его было Улуг Орду бек... Этот бек срубил деревья... На деревьях тех расположился и переправился. Обрадовался Огуз-каган и сказал: О, будь ты здесь беком, Кыпчак-беком ты будь!»

Не позднее второй половины IX в. этот псевдоэтноним заимствовали арабские писатели, прочно укоренив его в своей литературной традиции («кыпчаки» как одно из подразделений тюркских племён упоминаются уже в «Книге путей и стран» Ибн Хордадбега (ок. 820 – ок. 912).

В начале XI в. нашествие киданей (или кара-кытаев, выходцев из Монголии) вынудило кимако-«кыпчакские» племена покинуть насиженные места. Их переселение шло по двум направлениям: южном – на Сырдарью, к северным границам Хорезма, и западном – в Поволжье. В первом миграционном потоке преобладал «кыпчакский» элемент, во втором – кимакский. Вследствие этого термин «кыпчак», общеупотребительный в арабском мире, не получил распространения в Византии, Западной Европе и на Руси, где пришельцев преимущественно стали называть «куманы» и «половцы».

Происхождение названия «куман» достаточно убедительно раскрывается через его фонетическую параллель в виде слова «кубан» (для тюркских языков характерно чередование «м» и «б»), которое, в свою очередь, восходит к прилагательному «куба», обозначающему бледно-жёлтый цвет. У древних тюрков цветовая семантика названия племени часто соотносилась с его географическим положением. Жёлтый цвет в этой традиции мог символизировать западное направление. Таким образом, усвоенный византийцами и западноевропейцами псевдоэтноним «куманы»/«кубаны», видимо, имел хождение среди кимако-«кыпчакских» племен для обозначения их западной группировки, которая во второй половине XI – начале XII в. заняла степи между Днестром и Волгой. Это, конечно, не исключает вероятности существования особого племени, называвшегося «кубан»/«куман» – предков кумандинцев Северного Алтая¹⁴.

Для характеристики соотношения этнических терминов «куман» и «кыпчак» стоит отметить также, что в самой «кумано-кыпчакской» среде они отнюдь не являлись синонимами. Не смешивает их и эпос тюркоязычных народов. Только в поздней ногайской эпической поэме «Сорок ногайских богатырей» встречаются такие строки: «Страна куманов, мои кыпчаки, / Пусть садятся на коней добры молодцы!»¹⁵. Однако здесь скорее всего воспроизводятся достаточно отдалённые и уже не вполне адекватные представления об исторических реалиях XIII в.

Несмотря на то, что название «куманы» было хорошо известно в древней Руси, здесь за ними закрепилось другое наименование – «половцы». На идентичность половцев и куманов указывает летописное выражение: «кумане рекше половци», то есть «куманы, называемые половцами» (см. статью «Повести временных лет» под 1096 г., Лаврентьевскую летопись под 1185 г., Ипатьевскую под 1292 г.). В. В. Бартольд считал, что «куманская» этнонимика проникла в древнерусское летописание из Византии. Однако этому противоречит, например, наличие «князя Кумана» в летописном списке половецких ханов, убитых во время похода 1103 г. русского войска в степь.

Со словом «половцы» связана любопытная этимологическая путаница, сыгравшая в историографии такую важную роль, что даже исказила представления учёных об этногенезе «куманов»/«кыпчаков». Истинное его значение оказалось непонятно уже славянским соседям Руси – полякам и чехам, которые, усмотрев в нем производное от старославянского «плава» –

¹⁴ *Потанов Л. П.* Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 316–323.

¹⁵ Айт десенъиз, айтайым («Если просите, спою...»). Черкесск, 1971. С. 6.

солома, перевели его термином «плавцы» (Plawci/Plauci), образованным от прилагательного «плавый» (plavi, plowy) – западославянского аналога древнерусскому «половый», то есть изжелта-белый, белесовато-соломенный.

В исторической литературе объяснение слова «половец» от «половый» первым предложил в 1875 г. А. Куник¹⁶. С тех пор в науке прочно укоренилось мнение, что «такие названия как половцы-плавцы... не являются этническими, а служат лишь для объяснения внешнего вида народа. Этнонимы «половцы», «плавцы» и др. обозначают бледновато-жёлтый, соломенно-жёлтый, – названия, служившие для обозначения цвета волос этого народа»¹⁷.

Хорошо известно, что среди тюрков действительно встречаются светловолосые люди. В результате на страницах многих исторических трудов XX в. половцы предстали в образе «голубоглазых блондинов» – потомков европеоидов Центральной Азии и Западной Сибири, подвергшихся в VIII—IX вв. тюркизации. Вот лишь одно характерное высказывание: «Как известно, пигментация волос неразрывно связана с определённым цветом глаз. В отличие от остальных тюрков, черноволосых и кареглазых, белокожие половцы представляли в золотистом нимбе волос над яркими голубыми глазами... Столь характерная цветовая гамма половцев, вызывавшая восхищение современников, для историка оказывается своего рода "генеалогическим свидетельством", помогающая связать их происхождение с загадочными динлинами китайских хроник («белокурым народом», обитавшем в I—II вв. у северных границ Китая. – С. Ц.)... а через них – с людьми так называемой "афанасьевской культуры", чьи погребения III тысячелетия до н. э. были открыты археологами в Прибайкалье. Таким образом, в океане времён половцы предстают перед нами в качестве потомков древнейших европейцев, вытесненных из Восточной и Центральной Азии начавшейся когда-то широкой экспансией монголоидных народов. "Отуреченные" некогда "динлины", они потеряли свою древнюю родину, сменили язык и общетюркский поток вынес на простор причерноморских степей... уже последние остатки некогда сильного и многочисленного, а теперь вымирающего и теряющего среди других свой облик золотоволосого народа, отмеченного уже признаками своего азиатского прошлого»¹⁸.

Многолетняя приверженность исследователей этому взгляду на происхождение половцев вызывает только недоумение. Не знаешь, чему удивляться больше – разыгравшейся фантазии историков, пустившихся во все тяжкие, не только не имея на руках даже косвенного свидетельства о европеоидной внешности половцев – соседей Руси, но и вопреки всем антропологическим и этнографическим данным, недвусмысленно подтверждающим их принадлежность к монголоидной расе, или неразборчивости языковедов, которые, казалось бы, могли знать, что в случае происхождения слов «половец», «половцы» от «половый» ударение в них непременно приходилось бы на последний слог (как в словах «соловец», «соловцы» – производных от «соловый»).

Между тем после обстоятельных исследований Е. Ч. Скржинской¹⁹ вопрос о возникновении и первоначальном значении древнерусского названия «половцы» может считаться окончательно решённым. Исследовательница обратила внимание на характерную особенность географических представлений киевских летописцев XI—XII вв., а именно устойчивое деление ими территории Среднего Поднепровья на две стороны: «сю», «сию» (то есть «эту», или «Русскую», лежавшую, как и Киев, на западном берегу Днепра) и «ону» («ту», или «Половецкую»,

¹⁶ См. его прим. на с. 387 в кн.: Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан // Записки Императорской Академии Наук. Т. 26. Кн. 1. СПб., 1875.

¹⁷ Расовский Д. А. Половцы // Seminarium Kondakovianum. Т. VII. Praha, 1935, с. 253; из новейших исследователей см., напр.: Плетнёва С. А. Половцы. М., Наука, 1990, с. 35–36.

¹⁸ Никитин А. Л. Основания русской истории. М., 2001, с. 430–431.

¹⁹ Скржинская Е. Ч. Половцы. Опыт исторического исследования этникона // Византийский временник. 1986. Т. 46, с. 255–276; Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000, с. 38–87.

простиравшуюся к востоку от днепровского правобережья до самой Волги; ср. с летописным: «вся Половецкая земля, что же (есть. – С. Ц.) их межи Волгою и Днепром»). Последняя обозначалась также как «он пол», «оный пол» («оная сторона», «та сторона»). В Киевской летописи под 1172 г. говорится, что князь Глеб Юрьевич «ехал на ону сторону [Днепра] к онем половцем». Словарь М. Фасмера также фиксирует понятие «онополец, онополовец» – живущий по ту сторону реки, производное от церковнославянского «об он пол»²⁰.

Отсюда стало понятно, что «слово "половец" образовано по месту обитания кочевников – подобно другому слову – "тоземец" (житель "той земли")», ибо «для русских людей половцы были обитателями той ("оной"), чужой стороны Днепра (об он пол=половцы) и в этом качестве отличались от "своих поганых", чёрных клобуков, обитавших на этой ("сей"), своей стороне реки. В этом противопоставлении и родился специфический русский этникон "они половици", или просто "половици", трансформировавшийся в процессе развития древнерусского языка в "половци"»²¹.

Вполне естественно, что за рамками данной географической традиции своеобразный южнорусский термин оказался недоступен для понимания, вследствие чего был неверно истолкован не только западными славянами, но даже образованными людьми Московской Руси. О позднейших этимологиях слова «половцы», распространённых среди московских книжников конца XV – начала XVI в., можно судить по сохранившимся известиям иностранных писателей. Так, польский учёный и историк Матвей Меховский слышал, что «половцы в переводе на русский язык значит «охотники» или «грабители», так как они часто, делая набеги, грабили русских, расхищали их имущество, как в наше время делают татары» («Tractatus diabus Sarmatiis, Asiana et Europiana», 1517 г.). Следовательно, его информатор отталкивался от древнерусского «ловы» – охота. А по свидетельству Сигизмунда Герберштейна, посла австрийского императора при дворе великого князя Василия III, москвичи того времени производили слово «половцы» от «поле». Следует добавить, что ни тогда, ни раньше, в домонгольскую эпоху, русские люди не примешивали сюда прилагательное «половый».

Полное незнание древнерусской литературой «кыпчаков» свидетельствует о том, что на Руси изначально и в течение всего «половецкого» периода сношений со степью имели дело исключительно с кимакской (куманской) группировкой половцев. В этой связи показательны упоминаемые в летописи «половцы Емякове». Йемеки были одним из главенствующих племён в кимакском племенном союзе.

Первые контакты с Русью

1. Общественное устройство половцев. Повседневный быт. Военное дело

Полное незнание древнерусской литературой «кыпчаков» свидетельствует о том, что на Руси изначально и в течение всего «половецкого» периода сношений со степью имели дело исключительно с кимакской (куманской) группировкой половцев. В этой связи показательны упоминаемые в летописи «половцы Емякове». Йемеки были одним из главенствующих племён в кимакском племенном союзе.

Согласно библейской классификации народов, русские летописцы причисляли их к потомкам Измаила, «пущенных на казнь христианом»: «Измаил роди сынов 12, от нихже суть 4 колена: Торкмене, Печенези, Торци, Кумани, рекше Половци, иже исходят из пустыни» (статья под 1096 г.).

В остальном половцы так мало интересовали наших древних писателей, или вернее будет сказать, были ими так люто ненавидимы, что во всей древнерусской литературе не осталось

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3, с. 142.

²¹ Скржинская Е. Ч. Русь, Италия, с. 81, 87.

никаких этнографических описаний половцев, кроме краткой, но до крайности неприязненной заметки в составе сравнительного обзора о «законах» (обычаях и нравах) народов, помещённой во вступительной части «Повести временных лет» («...половцы закон держать отец своих: кровь проливати, а хвалящиеся о сем, и ядуше мерьтвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы [суслики], и поимають мачехи своя и ятрови [свояченицы]...»), да беглого наблюдения в статье под 1097 г. о «волчьем» культе, характерном для многих тюркских народов: накануне сражения с венграми половецкий хан Боняк в полночь «отъехал» в поле «и поча выти волчски, и волк отвыся ему, и начаша мнози волци выти» (ср. с тем, что в былине об Алёше Поповиче и Тугарине последний персонаж приезжает в Киев в сопровождении двух серых волков; историческим прототипом былинного Тугарина, возможно, является летописный Тугоркан – половецкий хан, ставший в 1094 г. тестем Святополка Изяславича и убитый в сражении на реке Трубеже в 1096 г.). Вследствие этого основные сведения о половцах приходится черпать из других источников.

По некоторым подсчётам, во второй половине XI в. южнорусские степи заселило около дюжины больших половецких орд, насчитывавших от 30 000 до 50 000 человек каждая²². По мере укрепления своего могущества и влияния половцы поглощали и ассимилировали других обитателей степи – торков и печенегов. В области социально-экономических отношений половцы находились тогда на начальной, так называемой таборной стадии кочевания, для которой характерна чрезвычайная подвижность степняков в связи с отсутствием у них постоянных мест кочевий. «Это племя, – замечает византийский церковный писатель XII в. Евстафий Солунский, – не способно пребывать устойчиво на одном месте, ни оставаться [вообще] без передвижений; у него нет понятия об оседлости, и потому оно не имеет государственного устройства».

Действительно, каждая половецкая орда представляла собой обособленный родоплеменной коллектив, возглавляемый старейшинами – беками и ханами. По словам рабби Петахьи Регенсбургского (XII в.), «куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии». В случае нужды они могли создавать временные военные союзы, но без единого руководства.

Быт половцев был скуден и непривлекателен. Жилищем им служили войлочные юрты и крытые повозки; обыкновенный их рацион состоял из сыра, молока и сырого мяса, размягчённого и согретого под седлом лошади. Хлеба они не знали вовсе, а из зерновых культур употребляли в пищу только рис и просо, добываемые посредством торговли.

Недостаток съестных припасов, изделий ремесленного производства и предметов роскоши половцы восполняли путём набегов на окрестные земли. Одной из важнейших статей добычи были рабы, которых сбывали на невольничьих рынках Крыма и Средней Азии.

Тактика грабительских налётов («облав») была доведена половцами до совершенства. Основной упор делался на стремительность и внезапность нападения. Участник Четвёртого крестового похода, французский хронист Робер де Клари, поражался тому, что половцы «перемываются столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть или семь, или восемь дней [обычного] перехода... Когда они поворачивают обратно, вот тогда и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут всё, что могут добыть». Евстафий Солунский даёт половцам сходную характеристику: «Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать»; народ этот «в одно и то же время... близок и уже далеко отступил. Его ещё не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз».

Даже такие полноводные реки, как Днепр, Днестр и Дунай, не являлись для половцев непреодолимой преградой. Для переправы кибиток они использовали своеобразные плоты, изготовленные из десятка растянутых лошадиных шкур, крепко связанных одна с другой и

²² См.: Плетнёва С. А. Половцы. М., 1990. С. 115.

обшитых по краям одним ремнём. Воины переправлялись сидя верхом на кожаных мешках, набитых соломой и так плотно зашитых, что ни капли воды не могло просочиться внутрь. Те и другие «плавсредства» привязывали к хвостам лошадей, которые доставляли их на тот берег.

Основной тактической единицей половецкого войска было родовое ополчение численностью от нескольких десятков до 300—400 всадников, со своим предводителем – беком и знаменем (бунчуком). В целом каждая половецкая орда могла выставить примерно от четырёх до семи тысяч взрослых мужчин-воинов. Из-за слабости своего вооружения (главными видами их оружия были луки²³ и копья, доспехами – плотные кожаные и войлочные куртки) половцы старались не вступать в лобовое столкновение с противником, предпочитая засады, притворные отступления и обходные манёвры.

Города и крепости, даже плохо укреплённые, почти всегда оставались для них неприступными. Не имея никаких осадных устройств, половцы крайне редко решались брать город «на копье», если только не рассчитывали застать его защитников врасплох. Обычно они стремились измором вынудить осаждённых к сдаче, однако не были способны на ведение длительных осад, поскольку необходимость строго соблюдать режим сезонных перекочёвок не позволяла им слишком долго задерживаться под городскими стенами.

На войне половцы придерживались степного кодекса чести: свято соблюдали законы гостеприимства по отношению к вражеским послам, в бою стремились не убивать знатных противников, а захватывать их в плен с тем, чтобы затем получить за них выкуп. В качестве союзников или наёмников они, как правило, проявляли исключительную верность.

Но соседи из них были плохие. Договоры, речительства, клятвы не значили в их глазах ничего, а вероломство рассматривалось как похвальная хитрость. Византийская писательница Анна Комнина (ум. около 1153 г.), дочь императора Алексея I Комнина, жаловалась на «податливость», «изменчивость» образа мыслей и «непостоянство» половцев. Такими же ненадёжными и беспокойными соседями они стали и для Русской земли.

2. Начало русско-половецких войн

Печенеги, откочевавшие в 30–40-х гг. XI в. в нижнее Подунавье, освободили степное пространство Северного Приазовья и Причерноморья для своих восточных соседей – огузов. На страницах наших летописей они остались под именем торков. Это была северная ветвь большого союза тюркских племен, сложившегося в IX–X вв. на территории Средней Азии, между северо-восточным побережьем Каспийского моря и Восточным Туркестаном (южная группировка огузов, ушедшая во второй половине XI в. в Переднюю Азию, получила известность под именем турок-сельджуков; в Северной Монголии существовал обособленный союз девяти огузских племён («токуз-огузы», букв. «девять огузов»), возглавляемый уйгурами).

Тесня отступающих печенегов и в то же время теснимые сами наседавшими с тыла половцами, торки в середине XI в. массами хлынули из-за Дона на днепровское левобережье. Зимой 1054/1055 г. они попробовали на прочность границы Переяславского княжества, но получили достойный отпор: «Иде Всеволод на торки зимой... и победи торки».

Следом явились те, кто толкал торков в спину – передовая половецкая орда во главе с ханом Блушем. Переяславский князь Всеволод Ярославич (как, впрочем, и его старшие братья – Изяслав и Святослав) принадлежал к тому поколению русских людей, которое выросло в четвертьвековой период затишья борьбы со степью и потому весьма слабо представляло себе обычаи кочевников и тонкости степной политики. Только этим и можно объяснить совершённый

²³ Которыми, впрочем, половцы владели в совершенстве. По свидетельству рабби Петахьи, они «отлично стреляют из лука и убивают любую птицу на лету».

ный им промах. Из двух дерущихся на пороге своего дома грабителей Всеволод поддержал сильнейшего, положившись на миролюбивые заверения Блуша.

В 1060 г. объединённое войско трёх Ярославичей («вои бесчислены»), к которому присоединилась дружина полоцкого князя Всеслава Брячиславича, двинулось «на конях и в лодьях» в самую глубь степи. У торков не хватило ни сил, ни духа противостоять русской мощи. Их орда, не приняв сражения, устремилась на юг с намерением осесть на дунайской равнине.

В 1064 г. они переправились через Дунай, разбили греков и болгар и ринулись в глубь страны. Опустошив Македонию и Фракию, торки дошли до стен Константинополя. Византийский император смог избавиться от них только посредством богатых подарков. Обременённые добычей, торки ушли обратно за Дунай, где в тот же год были истреблены суровой зимой, голодом и эпидемией. Оставшиеся в живых большей частью поступили на службу к императору, получив для поселения казённые земли в Македонии. Другая часть торков (менее многочисленная) предпочла перейти на русскую службу, составив костяк «чёрных клобуков»²⁴ — разношёрстного объединения лояльных к Руси степняков, которых русские князья с конца X в. расселяли в бассейнах Роси и Сулы для охраны самых уязвимых участков южнорусского пограничья. Остатки независимых торческих племён попеременно с осколками печенежских орд ещё несколько десятков лет кочевали в районе Дона и Донца, постепенно дробимые между половецким молотом и русской наковальней.

Как самостоятельная военно-политическая сила торки лишь мелькнули на русском горизонте, «Божьим гневом гонимы», по выражению летописца. Но радость русских людей от того, что «Бог избави хрестьяны от поганых», была преждевременной. По стопам торков двигались половцы — новые хозяева западного ареала Великой степи на ближайшие полтора столетия.

Пока торки были главными противниками половцев, последние придерживались заключённого со Всеволодом Ярославичем мирного договора. Но после ухода в 1060 г. основной части торческой орды в Подунавье половцы сразу забыли о дружеских обещаниях, данных ханом Блушем князю Всеволоду. Уже зимой 1061 г. орда хана Искала вторглась во владения переяславского князя. Всеволод, только что разгромивший торков, вероятно, недооценил грозившую ему новую опасность или просто не успел как следует «исполчиться». Во всяком случае, он выступил против половцев с небольшой дружиной без привлечения «воев», то есть городского ополчения. В сражении, состоявшемся 2 февраля, русское войско было разбито. Повоевав Переяславскую землю, половцы ушли назад в степь. «Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг», — отметил летописец.

В начале сентября 1068 г., после семилетнего перерыва, Переяславское княжество вновь подверглось нашествию степняков. Вторжение было предпринято силами нескольких половецких орд, общим числом не менее 15 000 всадников. На этот раз Всеволод не отважился биться с ними один и запросил помощи у братьев. Через несколько дней Изяслав и Святослав были в Переяславле со своими дружинами; киевский князь привёл с собой также городское ополчение. Половцы уже стояли рядом, на реке Альте. Летописец говорит, что битва произошла ночью, не поясняя, впрочем, по чьей инициативе. Но, судя по его замечанию, что «грех же ради наших пусти Бог на ны поганя, и побегоша Русьскыи князи», половцы, должно быть, внезапно атаковали русский лагерь. После поражения русское войско распалось: Святослав ушёл к себе в Чернигов, а Всеволод укрылся вместе с Изяславом в Киеве.

Это половецкое вторжение имело столь далеко идущие последствия, что даже привело к смене власти на киевском столе. В результате народного восстания великий князь Изяслав был изгнан из Киева.

Тем временем половцы продолжали «воевать» днепровское левобережье. Не встречая организованного сопротивления, они широкой облавой опустошили Переяславское княжество

²⁴ Древнерусская калька с тюркского «каракалпак» («чёрная шапка», характерный головной убор этих кочевников).

и в конце октября уже орудовали возле Чернигова. Святослав не смог оставаться безучастным наблюдателем того, как разоряются его владения. Во главе трёхтысячной рати он выступил из города навстречу врагу. 1 ноября, под Сновском (несколько севернее Чернигова), черниговцы обнаружили половецкое становище. Половцев было четверо больше; несмотря на это, Святослав стремительной конной атакой опрокинул их. Степняки были совершенно разбиты, множество их потонуло в реке Снови, а какой-то половецкий хан, имени которого летопись не сообщает, попал в плен. Эта блестящая победа русской рати – первая в истории русско-половецких войн – положила конец нашествию.

Первые общерусские походы в степь

В 1070—80-х гг. XI в. половцы установили безраздельное господство над степными пространствами от Яика до Днепра, надолго ставшими для русских людей «половецким полем». В 1091 г. ханы Боняк и Тугоркан, явившиеся на Балканы по приглашению византийского императора Алексея I Комнина, разгромили придунайских печенегов в долине реки Марицы. С печенежским господством на Балканах и в Подунавье было покончено в один день. Масштабы постигшей печенегов военной катастрофы изумили современников. «В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах, – писала дочь Алексея Комнина, Анна. – Это было 29 апреля, в третий день недели (то есть во вторник, т.к. в Византии неделя начиналась с воскресенья. – С. Ц.). По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: «Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая». Конечно, известие Анны Комнин о гибели всего печенежского «народа» не следует понимать буквально. Источники первой половины XII в. всё ещё упоминают об остатках придунайских печенегов.

После гибели придунайской печенежской орды западоднепровские степи до самого Дуная также вошли в зону половецких кочевий.

Разделявшись со своими степными конкурентами, половцы утратили единственную причину, которая побуждала их худо-бедно поддерживать мирные отношения с русскими князьями. Со второй половины 80-х гг. XI в. половецкие набеги на Русь учащаются и становятся почти ежегодными.

Причиняемые ими опустошения были велики.

В 90-х гг. XI в. опасность «погубленья» Русской земли «от поганых» была вполне реальной. Особенно 1092 год, по свидетельству летописи, был отмечен общей тревогой и бедствиями. Лето стояло засушливое, горели леса и болота, люди тысячами умирали от разных болезней, «и рать велика бяше от половец и отвсюду; взяша три грады: Песочен, Переволочу, Прилук, и многа села воеваша по обема страном» (то есть по обоим берегам Днепра).

Не случайно соответствующие статьи «Повести временных лет» окрашены в сумрачные тона напряженного эсхатологического ожидания. Набеги половцев, достигшие в это время наибольшей силы, угрожали превратить Среднее Поднепровье в безлюдную пустыню. Летописец, – современник этих событий, – с отчаянием и ужасом рисует картину запустения некогда цветущих и густонаселённых городов и целых областей: «Створи бо ся плач велик в земле нашей, опустеша села наша, и городе наша». Половецкие облавы частым гребнем вычёсывали из городов и весей обильный полон, и один летописный отрывок повествует, как тысячи людей, «страждущие, печальные, измученные», «с осунувшимися лицами, почерневшие телом», брели, обдирая босые ноги о колючие травы, в «незнаемую страну», гонимые в степь к половецким вежам (древнерусское название кочевнических шатров, юрт), со слезами говоря друг другу: «Я был из этого города», а другой: «А я – из того села»; и «так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Всевышнему...».

Внешняя линия Змиевых валов, проходившая по рекам Рось и Сула, перестала служить надёжной защитой от вторжений степняков, в ней одна за другой появлялись широкие прорехи. В 1093 г. половцы сожгли Торческ – крупнейший оплот «чёрных клобуков» в Поросье, а в 1095 г. вынудили жителей Юрьева бросить свой город и уйти на север, за Стугну. Археологические материалы с левобережья Днепра также свидетельствуют о страшном разгроме здешних поселений – пограничных городов Воинь, Снепород и других, сожжённых или заброшенных на рубеже XI—XII вв. и отстроенных заново лишь в первой половине XII в.²⁵ Отдельные победы русских дружин не могли в корне переломить ситуацию.

Взломав в ключевых пунктах древнерусский оборонительный вал, половцы получили возможность беспрепятственно совершать быстрые рейды вглубь Русской земли. В 1096 г. их добычей едва не стал сам Киев. Характерно, что орда хана Боняка, «безбожного, шелудивого хищника», как рекомендует его летописец, прокралась к Киеву «отай», то есть никем не замеченная, и ранним утром 20 июля буквально выросла из-под земли у городских стен. Нападение было столь внезапным и стремительным, что городская стража едва успела захлопнуть Золотые ворота перед самыми мордами половецких лошадей («и мало в град не въехала половци»; в 1151 г. сын Боняка по имени Севенч похвалялся: «Хощу сещи Златая врата, якоже и отец мой»). Половцы сожгли посады и ограбили окрестные монастыри, в том числе Печерский.

Многочисленные попытки завязать с половцами мирные отношения ни к чему не приводили. Владимир Мономах говорит о себе, что в конце XI – начале XII вв. «миров есмь створил с половецкими князи без единого 20... а дая [им] скота [денег] много и много порты [богатых одежд] своих». Но половцы брали подарки и на следующий год снова приходили за военной добычей. Даже династические браки с половецкими ханами не гарантировали спокойствия их русским родственникам. В 1094 г. князь Святополк «поял» за себя дочь хана Тугоркана. А спустя два года ему пришлось хоронить своего тестя, явившегося пограбить волость своего зятя и павшего в бою с объединёнными дружинами Святополка и Мономаха на реке Трубез под Переяславлем.

Вероломство половцев порой вызывало ответное коварство со стороны русских князей. Так, в 1095 г. в Переяславле были убиты два половецких хана Итларь и Кытан, приехавшие к Владимиру «на мир». На умерщвлении гостей настояли прибывшие из Киева послы Святополка, к которым присоединилась дружина самого Мономаха. Владимир пробовал было возразить: «Како се могу створити, роте с ними ходив [связав себя клятвой]?». Но советники князя успокоили его совесть, сказав: «Княже! Нету ти [тебе] в том греха; да они, всегда к тебе ходячи роте, губять землю Русьскую и кровь хрестьяньску проливають бесперестани». Стоит отметить, что эти слова обезоруживающим образом подействовали и на летописца, который, против обыкновения, не только не стал заострять внимание на нарушении христианским князем крестного целования, но даже заметил, что Итларь и Кытан «испроверже живот свой во зле», то есть получили поделом. В отношениях с «погаными» действовала своя мерка морали, общепринятая как в светской, так и в духовной среде русского общества.

По случайности, именно этот неприглядный инцидент подсказал правильную тактику борьбы со степняками. До сих пор русские князья находились в положении обороняющихся, отражая половецкие налёты на укреплённых степных рубежах Руси²⁶. Теперь же, не дожидаясь мести со стороны родственников убитых ханов, Святополк и Мономах сами нашли в степи обезглавленные орды Итларя и Кытана, «взяша» их вежи, «полониша скоты и коне, вельблуды и челядь и приведоста я [всё это] в землю свою».

²⁵ См.: *Коринный Н. Н.* Переяславская земля X – первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 123.

²⁶ Тактики пассивной обороны придерживались и другие оседлые соседи степняков. В Византии её даже возводили в военную догму. В послании болгарского архиепископа Феофилакта к императору Алексею I Комнину говорится о невозможности, бессмысленности и крайней опасности преследовать кочевников (в данном случае – печенегов) в их собственной стране, где они могут легко нанести коварные удары.

Во время этой успешной вылазки киевский и переяславский князья могли своими глазами убедиться, что в жизни половцев произошли значительные перемены. Расселившись в южнорусских степях, половецкие орды утратили прежнюю подвижность. Таборная стадия кочевания завершилась разделом степного пространства между племенами и родами. За каждой ордой закрепились постоянные места зимовий и летних кочёвок, устоялись маршруты передвижений. Половцы перестали быть неуловимыми и потому неуязвимыми противниками. Рассчитывать на безнаказанность им больше не приходилось.

С этого времени идея организации большого (общерусского) похода в степь постоянно стояла в повестке дня, служа главным аргументом для прекращения междоусобных раздоров.

В начале XII в. прекращение междоусобицы позволило русским князьям приступить совместными силами к решению самой насущной внешнеполитической задачи, провозглашённой ещё на съезде в Любече (1097 г.): «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще (раздоры сея)? А половцы землю нашу несут розно, и ради суть, ою межю нами рати (рады, что мы в раздоре). Да ноне отселе имемся во едино сердце, и блюдем Русьские земли».

На съезде 1100 г. в Уветичах внутренние препятствия к совместному выступлению князей были, наконец, устранены, и уже в следующем году «вся братья» – Святополк, Мономах и трое Святославичей, Давыд, Олег и Ярослав, собрались с дружинами на реке Золотче (правом притоке Днепра). Действия русских князей были направлены против правобережных половцев и, судя по всему, преследовали единственную цель – обеспечить их нейтралитет. Демонстрация силы удалась как нельзя лучше. Устрашённые половцы прислали послов с просьбой о мире. Князья велели ханам прибыть в Саков – один из пограничных городков русского Поросья, где обе стороны обменялись заложниками и мирно разошлись.

Теперь у русских князей появилась возможность нанести упреждающий удар по левобережным половцам, от чьих набегов главным образом и страдала Русская земля. И в первую очередь решено было разгромить большую половецкую орду в Нижнем Поднепровье, «залёгшую» днепровский торговый путь.

В начале 1103 г. Святополк и Мономах съехались у Долобского озера «думати» о будущем походе. Совещание проходило в шатре, с участием «дружин» (ближних советников) обоих князей. Святополк предложил настигнуть половцев ранней весной, когда половецкие кони, ослабленные и малоподвижные после тягостей зимовки, только начинают выгуливаться на молодой траве. Владимир поддержал смелый замысел великого князя: «То ти, брате, велико добро створиши земле Русской».

На призыв «покласть головы по Русстей земле» откликнулись Давыд Святославич и четверо младших князей; Олег остался дома, сказавшись нездоровым. В начале марта тронулись в путь – дружинники шли берегом Днепра на конях, пешее ополчение спускалось вниз по реке в ладьях. У острова Хортица пешие высадились на берег и вместе с конницей углубились в степь на четыре дневных перехода, вплотную приблизившись к половецким становищам.

Тем временем разрозненные орды степняков, которые, по-видимому, пережидали весеннюю путину, кочуя вдоль берега Азовского моря, стеклись в стан старейшего хана Урусобы. На общем совете половецких вождей Урусоба старался охладить пыл молодёжи, рвавшейся в бой. «Просим мира у Руси, – увещевал он горячие головы, – яко крепко имуть [будут] битися с нами, сотворихом бо мы много зла земли их». Но «унейшие» (молодые ханы) не послушали его и даже подняли на смех: «Аще ты боишися Руси, но мы не боимся; избивше бо их, поидем в землю их и примем грады их, и кто избавит я [их] от нас?» Их мнение победило, и половцы изготовились к битве.

4 апреля степняки выслали вперёд сторожевой отряд хана Алтунопы, славившегося своим мужеством. Вероятно, он должен был притворным отступлением заманить русские дружины под удар главных сил половцев. Но на этот раз тактический приём степняков не сработал: русские сами окружили отряд Алтунопы и истребили его до последнего человека.

Затем конная и пешая русская рать всей мощью обрушилась на врага. Половцы поскакали навстречу, но их отошавшие за зиму лошади двигались вяло. «И конем их не бе спеха в ногах», – замечает летописец, тогда как «наши же с весельем на конех и пеши поидоша к ним». Не выдержав натиска, степняки обратились в бегство. Разгром был полный. По словам летописи, русские «скруши главы змиевыя», уничтожив целый выводок половецких ханов – самого Урусобу и с ним ещё 19 человек. Одного хана по имени Бельдюз дружинники Мономаха захватили в плен. Приведённый в русский лагерь, он предлагал за себя богатый выкуп – золото, серебро, коней и скот. Но Владимир Мономах отказался вступать с ним в торг и велел разрубить Бельдюза на куски за то зло, которое он причинял Русской земле, «преступая роту» (нарушая клятвы) и «проливая кровь християнску яко воду».

Добычей победителей стали «скоты и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью». На обратном пути русские также пограбили половецких данников – печенегов и торков с вежами, и «придоша в Русь с полоном великим, и с славою, и с победою великою».

В том же году Святополк залатал брешь в оборонительной линии Поросья, заново отстроив сожжённый половцами Юрьев.

Разметав днепровскую орду, русские князья взялись за донских половцев, возглавляемых двумя ханами, злейшими врагами Руси – «старым» Шаруканом и Боняком, в адрес которого летопись не жалеет бранных эпитетов: он и «окаянный», и «безбожный», и «треклятый», и «шелудивый». Донская группировка половцев, кочевавшая в бассейнах Северского Донца и Нижнего Подонья, была самой многочисленной и агрессивной, поэтому борьба с ней приобрела затяжной характер.

После поражения своих днепровских соплеменников донские половцы попытались перехватить инициативу. Однако их набеги на Русскую землю уже не были такими опустошительными, как в конце XI в., а русские отвечали ударом на удар. Зимой 1105 г. Боняк напал на Заруб (город в Поросье) и сильно потрепал торков и берендеев. В следующем году половцы воевали у Заречска. Святополк послал на них своих воевод, которые отогнали степняков и отбили полон.

Весной 1107 г. Боняк объявился в окрестностях Переяславля, но только и смог что угнать конские табуны. Летом он вернулся, ведя с собой орды Шарукана и многих других ханов, и стал у города Лубны на Суле. Подошедшие 12 августа дружины Святополка, Владимира и Олега с ходу переправились через реку и с кличем ударили на врага. Половцы пришли в такое смятение, что, по свидетельству летописца, не могли и «стяга поставить», то есть построиться в боевой порядок. Не оказав никакого сопротивления, они обратились в повальное бегство. Русские преследовали их до реки Хорол, убили Таза, Бонякова брата, захватили хана Сугра и его брата, а Шарукан едва «утече», оставив в руках победителей свой обоз.

Военные успехи закрепила дипломатия. Чтобы ещё больше ослабить Боняка и Шарукана, Владимир и Олег заключили мир с двумя половецкими ханами (обоих звали Аепами), скреплённый брачными союзами. Мономах женил своего сына Юрия на дочери одного Аепы, «Осеневою внуке» (внучке хана Осеня), а дочь другого Аепы, «Гиргенева внука», была выдана за сына Олега, не названного по имени.

Затем Русь перешла в наступление. В декабре 1109 г. воевода Мономаха Дмитр Иворович ходил на Донец, где взял тысячу половецких веж. Очевидно, это была разведка боем, ибо весной 1110 г. на половцев выступила объединённая рать Святополка, Владимира и Давыда (вероятно, Святославича). Однако у города Воиня поход пришлось прервать по причине великой стужи и конского падежа.

Сокращение поголовья лошадей подрывало боеспособность княжеских дружин, и Святополк начал подумывать о том, чтобы отложить поход на неопределённое время. Но Мономах торопил с выступлением. На новой встрече со Святополком зимой 1111 г., состоявшейся, как и восемь лет назад, у Долобского озера, он предложил восполнить потери в кавалерии за

счёт мобилизации лошадей у смердов – зависимого населения княжеских сел. «Дружина Святополча» не одобрила это начинание: «не верема ныне погубити [отрывать] смерды от ролыи [пашни]». Выдвинутое возражение казалось вполне резонным: набор коней в смердых хозяйствах мог обернуться срывом весенней пахоты и, как следствие, неминуемым разорением смердов, а значит, и самого князя. Тогда слово взял Владимир Мономах. «Дивно ми, дружино, – сказал он, – оже [когда] лошадей жалуете [жалеете], ею же то орет [на которых смерд пашет]! А сего чему [почему] не промыслите [сообразите], оже то начнёт орати [пахать] смерд, и, приехав, половчин ударит и [его, т. е. смерда] стрелою, и лошадь его поиметь, а в село его ехав, иметь жену его, и дети его, и все его именье? То лошади жаль, а самого [смерда] не жаль ли?» На это у осторожных скептиков не нашлось, что ответить: «И не могоша отвещати дружина Святополча».

Так, «думую и похотением» Мономаха в 1111 г. был объявлен новый, третий по счёту общерусский поход в степь. Навестить половцев на Дону собралась многочисленная княжеская «братья»: Святополк с сыном Ярославом, Владимир с сыновьями Мстиславом и Ярополком, Давыд Святославич с сыном Ростиславом, два Ольговича – Всеволод и Святослав и Давыд Игоревич. Княжеские дружины и пешее ополчение «воев» выступили в последних числах февраля, ещё по санному пути, и, совершив 20-дневный переход через «многи реки» – Супой, Сулу, Хорол, Псёл, Голтву, Ворсклу, во вторник на пятой (по Воскресенской летописи) или шестой (по Ипатьевской летописи) неделе Великого поста вышли к Северскому Донцу. Русские князья, очевидно, намеревались застать половцев на местах их зимних кочевий, до того, как они успеют перейти с Донца на южные летовища в широких приазовских степях.

В верховьях Северского Донца существовала тогда россыпь городков, возникших на базе поселений аланских (яских) племён – хозяев здешних мест в VII—VIII вв. В них проживало смешанное, славяно-тюрко-аланское население (с преобладанием аланского элемента), в значительной степени подвергнувшегося христианизации. Половцы, по всей видимости, превратили эти городки в свои военно-административные центры, один из которых даже носил имя вождя местной орды – Шарукань.

Подойдя к Шаруканю, Владимир Мономах велел священникам, идущим пред полками, петь тропари, кондаки и канон «Кресту и Богородице». Очевидно, русские знали, что Шарукань был населён христианами, на которых торжественное богослужение должно было произвести, и действительно произвело, сильное впечатление. Горожане вышли с поклоном навстречу русским князьям, неся дары и угощение – рыбу и медовуху, – характерная черта, показывающая, что жители Шаруканя отлично разбирались в диетических тонкостях христианского поста. Не исключено, что в Шарукане проживало достаточно многочисленное славянское население, так как по сообщению французского путешественника Вильгельма де Рубрука (середина XIII в.), крещёные аланы, с которыми он встречался, не имели точных сведений о времени постов и приносили ему мясо в постные дни. Он же сообщает о встреченных им на Дону «русских сёлах».

Переночевав в Шарукане, русская рать наутро двинулась к другому городу – Сугрову. Здесь русских уже не ждали с распростёртыми объятьями. Город был взят приступом и сожжён.

24 марта, в пятницу, у речки Дегея русское войско встретилось с передовыми частями половцев. В жестокой сече степняки были разбиты, а русские на следующий день отпраздновали воскресение Лазаря и Благовещение и тронулись дальше.

В страстной понедельник (27 марта) показалась вся половецкая орда. Половцы пришли в невиданном множестве («тмы тьмами», по выражению летописи) и обступили русские полки на реке Сальнице (правый приток Северского Донца). Русским пришлось тяжело, и не случайно летописец рассказывает об ангеле, который во главе небесных сил пришёл на помощь христианскому воинству. Впрочем, судя по тому, что ангел сражался впереди полков Владимира Мономаха и Давыда Святославича, именно их усилиями половцы в конце концов и были опро-

кинута. Князья прославили Бога, давшего им такую великую победу, и повернули домой, прихватив уже привычную степную добычу: «полона много, и скоты, и кони, и овце».

Разгром донской орды был довершён в 1116 г., причём уже силами одного Переяславского княжества. Сын Мономаха Ярополк отправился на Северский Донец по следам своего отца, снова взял города Шарукань, Сугров, да ещё какой-то Балин и вернулся с большим полком.

Половецкое господство в бассейне Верхнего Дона было сломлено навсегда. Местные аланские князьки перешли на русскую службу; дочь одного из них стала женой Ярополка Владимировича. Под тем же 1116 г. летопись сообщает, что торки и печенеги бились два дня и две ночи с половцами, после чего пришли на Русь к Мономаху. Правда, здесь они по каким-то причинам тоже не ужились, и спустя пять лет Владимир «прогна берендичи из Руси, а торци и печенежи сами бежаша».

По византийским источникам известно, что в 1122 г. печенеги в большом количестве перешли Дунай и стали опустошать Фракию и Македонию. В битве у города Верой император Иоанн II Комнин (1118—1143) нанёс им жестокое поражение и в память этой победы установил специальный «печенежский праздник». В этой связи Д. А. Расовский высказывал правдоподобную догадку, что на Византию напали изгнанные Мономахом кочевники, ибо «трудно себе представить, чтобы осколки печенегов всё ещё могли свободно кочевать на левой стороне Дуная, где в это время уже владычествовали половцы»²⁷.

Впрочем, русское Поросье и после этого не оскудело печенегами. Арабский путешественник и дипломат Абу Хамид аль-Гарнати засвидетельствовал, что, направляясь в 1150 г. из Волжской Болгарии в Венгрию через земли «чёрных клобуков», посетил некий «город страны славян» (вероятно, Торческ) и видел там тысячи кочевников, «по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как турки. И известны они в этой стране под именем беджнук [печенеги]».

В 1117 г. к границам Русской земли переселились жители Белой Вежи (Саркела), среди которых было много славян.

Для самих половцев русские походы в степь обернулись полувековым периодом политического упадка. Военное могущество их было подорвано, родоплеменная знать большей частью истреблена. Владимир Мономах в «Поучении» насчитал до сотни «князей» (ханов) и «лучших» (лучших) мужей половецких, побывавших в разное время у него «в оковах», и ещё около 220 «избьённых» только его дружиною. Боняк с Шаруканом погибли позднее. Первый нашёл свою смерть в один из набегов на Русь, на что указывают слова хана Кончака, который в 1185 г. говорил хану Гзаку: «Поидем на Киевскую сторону, где суть избита братия наша и великий князь наш Боняк». Вероятно, это случилось около 1030 г., когда «Боняк шелудивый» упоминается летописью в последний раз. Гибель Шарукана от русского оружия засвидетельствована «Словом о полку Игореве».

Днепровское и донское объединения половцев распались, большинство входивших в них орд откочевали далеко от прежних мест обитания. Когда сын Мономаха Ярополк Владимирович в 1120 г. повторно «ходи на половци за Дон [Донец]», то уже «не обрете их» и без боя вернулся домой. Правда, в 1125 г., прослышав о смерти Мономаха, какая-то половецкая орда вторглась в Переяславское княжество, «хотяще полонити торкы и с ними хотяще повоевати Русскую землю», но была рассеяна решительным ударом переяславских дружин Ярополка. А в 1129 г. другой Мономашич, Мстислав Владимирович, отбросил степняков ещё дальше на восток – «загна половци за Дон и за Волгу, за Яик».

²⁷ Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // «Seminarium Kondakovianum». Т. VI. Прага, 1933. С. 18 и след.

Происшедшие в степи перемены почувствовали не только на Руси, но и в соседних странах. Волны половецкой миграции разошлись во все стороны. Венгерские хроники сообщают, что в 1124 г. король Стефан II принял к себе половецкую орду хана Татара. Поселившись на отведённой им земле, половцы несколько столетий играли заметную роль в жизни Венгрии, окончательно омадярившись только в XVIII в.²⁸

По данным грузинской летописи, сын Шарукана, хан Атерак («Повесть временных лет» знает его под именем Отрок), чья дочь, красавица Гурандухт, в начале 10-х гг. XII в. стала женой грузинского царя Давида IV Строителя, получил от своего тестя приглашение переселиться в Грузию и в 1118 г. увёл туда свою орду, насчитывавшую будто бы до 40 000 человек. Давид обеспечил половцам свободный проход через страну осетин и предоставил им в Грузии плодородные земли для поселения. Орда Атерака сделалась ядром армии Давида, а отборный пятитысячный отряд половецких всадников составил гвардию грузинского царя. Половцы сопровождали Давиду в его походах в Персию, Ширван, Великую Армению; в 1121 г. воевали против турок-сельджуков и вернули царю его столицу – Тбилиси. Лишь после смерти Владимира Мономаха в 1125 г. Атерак осмелился вернуться в родные степи.

Меньше повезло орде хана Аепы (неизвестно, которого из двух), ушедшей к границам Волжской Булгарии. «Повесть временных лет» передаёт, что в 1117 г. «приидоша половцы к болгаром, и высла им князь болгарьский питие с отравою; и пив Аепа и прочии князи вси помроша».

В киевской летописи сохранилась поэтическая легенда о возвращении Атерака, очевидно взятая из половецкого эпоса. По смерти Владимира Мономаха брат Атерака, Сырчан отправил в Грузию гонца, велел передать Атераку такие слова: «Володимер умер, воротися, брате, поиди в землю свою». «Молви же ему моя словеса, пой же ему песни половецкия, – напутствовал Сырчан своего посланника, – если же не восхочет [вернуться], дай ему понюхать зелья [траву], именем емшан [полюнь]». Выслушав братнего посланника, Атерак поначалу заупрямился, но, поднеся к лицу пучок полыни, заплакал и сказал: «Да лучше в своей земли костью лечи, нежели в чужой славу быти». И приде во свою землю».

Остатки же половецких орд, прижатые к побережью Азовского моря, влачили жалкое существование, подобно брату Атерака, хану Сырчану, который вместе со своими соплеменниками бедствовал в низовьях Дона, добывая скудное пропитание рыбной ловлей.

Вокруг южных и юго-восточных границ Русской земли на несколько десятилетий возник безлюдный «санитарный пояс», шириной от 100 до 200 и более километров. Только во второй половине 30-х гг. XII в. в этих местах стали вновь разбивать свои вежи кочевники, называемые в летописи «дикими половцами». По-видимому, это были разрозненные племенные группировки, оторвавшиеся от старых, хорошо известных на Руси орд. Они крайне редко отваживались тревожить своими набегами древнерусское пограничье, зато охотно нанимались на службу к русским князьям, рождались с ними и перенимали христианскую веру.

Такое положение в южнорусских степях сохранялось вплоть до 50-х гг. XII столетия.

Закат этноса

С середины 1130-х гг., когда Русская земля начала погружаться в пучину междоусобиц, половцы появляются на Руси исключительно как наёмники или союзники того или иного князя. Особенно часто их услугами пользовались черниговские Ольговичи и Юрий Долгорукий. В количественном отношении половецкая подмога оценивается по-разному. В летописях встречаются цифры от 300 до 7000 половецких всадников, принимавших участие в кня-

²⁸ См.: Будовиц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Академия наук СССР. Институт истории. Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 94.

жеских междоусобицах. Но случалось, что половцы приходили в гораздо более значительных силах. Например, в 1152 г., по свидетельству летописца, половцы явились к Юрию Долгорукому «всею Половецкою землёю, что же их [есть] межи Волгою и Днепром».

В XII веке «дикие половцы» были прочно встроены в систему междукняжеских отношений при помощи династических браков. Древнерусские летописи сохранили свидетельства примерно о полутора десятке браков, заключённых между южнорусскими князьями и дочерьми половецких ханов. Первый такой брак датируется 1094 г., когда внук Ярослава Мудрого киевский князь Святополк Изяславич женился на дочери хана Тугоркана. Из известных исторических деятелей на половчанках были женаты Владимир Мономах и его сыновья Андрей Волынский и Юрий Долгорукий, а также Владимир Галицкий, Мстислав Удалой, Рюрик Киевский, Ярослав Всеволодович (сын Всеволода Большое Гнездо). Главный герой «Слова о полку Игореве» Игорь Святославович и его брат Всеволод были на три четверти половцами по крови, поскольку половчанками были их мать и бабка по отцу.

Что касается случаев женитьбы половецких ханов на русских княжнах, – то летописи сообщают только об одном таком случае. По сообщению Ипатьевской летописи, в 1151 г. не названная по имени вдова черниговского князя Владимира Давидовича (дочь городненского князя Всеволода Давидовича) вышла замуж за половецкого хана Башкорда.

Несомненно, что половецкие княжны, выданные замуж за русских князей, приводили с собой какое-то количество своих родственников и прислуги. На русских землях селился также многочисленный половецкий полон, взятый во время походов в степь. Характерны слова черниговского князя Святослава Ольговича, который в 1158 г. сетовал, что у него в семи городах жили лишь «псары да половцы». Археологические данные свидетельствуют о компактном проживании половцев на территории Поросья²⁹. Половцы Поросья, по всей видимости, входили в состав чёрных клобуков.

Ипатьевская летопись с 1055 г. по 1236 г. сообщает о 30 походах половцев на Русь и Поросье, 27 походах Руси и чёрных клобуков против половцев и 38 совместных действий русских и половцев в русских междоусобицах и против внешних врагов. В большинстве случаев русские князья расплачивались со степняками разрешением грабить волости князей-противников.

Например, в 1155 г. в битве на реке Белоусе Юрий Долгорукий вместе с союзными половцами разбил войско своих противников во главе со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем. Среди доставшихся половцам рядовых и знатных пленников находился Святослав Всеволодович – первый русский князь, позволивший врагу захватить себя живым.

Тогда Южная Русь впервые за свою историю очутилась в полной власти «поганных». И половцы постарались сделать так, чтобы этот их приход был не скоро забыт. Особенно пострадала Переяславская волость, где, по сведениям Воскресенской летописи, степняки «села все пожгоша и жита вся потравиша». Страшному разгрому подверглись местные святыни – основанная Владимиром Мономахом церковь святых Бориса и Глеба на Альте, монастыри Рождества Пресвятой Богородицы и Святого Саввы: всех их «разграбиша, и пожгоша, а люди в плен поведоша».

Несколько лет спустя Андрей Боголюбский, объясняя своё нежелание жить на русском юге, говорил, что здешние княжества запустели от постоянных междоусобиц, «а от поля (со стороны степи) половцы выплениша и пусто сотвориша».

Во второй половине XII в. в низовьях Днепра и Дона вновь окрепли половецкие группировки, возглавляемые молодыми ханами, которые уже не помнили трепета своих отцов и дедов перед русским мечом. Регулярное участие половцев в междоусобицах 50—70-х гг. XII в. на

²⁹ См.: Плетнёва С. А. Древности чёрных клобуков // Свод археологических источников Москва, 1973. С. 22; Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, Г. А. Фёдоров-Давыдов, Москва, 1966. С.147.

стороне того или иного князя воочию убедило их в разобщённости русских сил и общем упадке военной мощи киевско-перемышльских земель. Осмелев, половецкие вожди возобновили самостоятельные набеги на южнорусские земли.

Усмирять их пришлось уже Юрию Долгорукому (в качестве киевского князя), который прежде (в качестве князя суздальского) охотно пользовался их услугами. Весной 1154 г., вскоре после вокняжения Юрия в Киеве, многочисленная половецкая орда вторглась в Поросье. Но сидевший здесь князь Василько Юрьевич не растерялся и сумел дать степнякам достойный отпор. Встав во главе сильной рати из берендеев, он настиг половцев в степи, когда они, уже ничего не опасаясь, возвращались в свои становища. По сообщению Никоновской летописи, Василько «приидоша» на половцев «на ранней заре, спящим им, и нападше на них на сонных, многих избиша, а иных руками яша». Берендеи не только вернули своё добро, но и сами нахватили половецкого полона.

Спустя некоторое время половецкие ханы, явившись к Юрию, попросили отпустить их сородичей. Но этому решительно воспротивились берендеи, считавшие живую добычу законной наградой за свою верную службу великому князю. «Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя сокладываем за твою честь», – приводит киевский летописец их слова. Юрий не мог позволить себе ссориться со своими новыми подданными, однако он не хотел обижать и половцев, своих бывших союзников. Поэтому вместо пленников великий князь дал половцам богатые дары, надеясь, что они удовлетворятся этим. Но те, приняв подарки, на обратном пути пограбили окрестности Переяславля и «много пакости створиша», по выражению летописца.

Конец этой истории наступил на исходе лета того же года, когда половцы вновь появились у русской границы, объявив великому князю, что пришли за миром. Юрий поехал навстречу им в Канев, как обыкновенно ходили на добрую войну, в сопровождении дружин почти всех подручных князей. Его предосторожность оказалась не напрасной, так как половецкие послы, по свидетельству летописца, приехали, собственно, для того чтобы разведать силу княжеского войска. Будь Юрий в меньшей силе, неизвестно, чем обернулось бы дело. Но, увидев многочисленную русскую рать, половцы сами пришли в трепет. Пообещав Юрию прийти наутро в его стан всей ордой для заключения мира, степняки в ту же ночь скрытно ушли назад в степь и больше не тревожили киевско-перемышльские земли до самой смерти Юрия.

Сменивший его на киевском столе смоленский князь Ростислав Мстиславич старался по возможности поддерживать с половцами мирные отношения. В 1163 г. он женил своего сына Рюрика на дочери половецкого хана Белука. Однако добиться общего мира на границе со Степью ему не удалось, нападения других половецких орд на южнорусские земли происходили с удручающей регулярностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.